

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Сваха
для
монаха

Дарья Александровна Калинина
Сваха для монаха
Серия «Сыщицы-
любительницы Мариша и Инна»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161453
Сваха для монаха: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-23255-0*

Аннотация

Родственников не выбирают! Можно поменять друзей, мужей и любовников, но от своих родных так легко не отделаешься. Даже если вы в жуткой ссоре. Поэтому Мариша, прихватив подружку Катю, спешно отбыла в... мужской монастырь. Тетушка поручила ей сгонять туда за чудотворными платочками и носочками, дабы помочь дядюшке, попавшему под машину. В сущности, не поручение, а сушая безделица. Но и в духовной обители своя канитель. Дамочки по неосторожности познакомились с реставраторами, оказавшимися совсем не теми, за кого себя выдавали. С этого все и началось...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	69
Глава 5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Дарья Калинина

Сваха для монаха

Двое рабочих долбили эту стену уже третий час подряд. Стена была старая, но кирпичная кладка поддавалась с трудом. К тому же действовать приходилось осторожно, чтобы по стене не пошли трещины.

– Историческая ценность, бабушку ее за ногу! – выругался один из мужчин. – Петька, кончай эту канитель! Пошли перекурим!

– Не, – пропыхтел второй рабочий.

На вид он был помоложе. К тому же обладал крепким телосложением. И мог бы называться симпатичным мужчиной, если бы не его странный, словно уходящий куда-то в сторону взгляд. Прямо и открыто в лицо собеседника он никогда не смотрел.

– Я еще поработаю, – произнес он, по обыкновению отвернувшись в сторону.

– Чего это? Оно тебе надо?

Второй рабочий молча пожал плечами и вместо ответа спросил:

– Ты вроде бы сегодня пошабашить раньше собирался?

– Ага! – радостно согласился тот и прибавил: – Теща померла. Хоронить нужно. А отсюда пока до города доберешься...

И он махнул рукой.

– Жена меня живьем схарчит, если я на похороны этой старой ведьмы не приеду.

– Так иди, – пожал плечами второй рабочий. – Бригадира все равно нету. А коли что – я тебя прикрою.

Первый рабочий необыкновенно оживился.

– Хороший ты парень, Петька! – прочувствованно произнес он. – Пойду я тогда.

– Угу.

И снова вернулся к своей работе. В отсутствие напарника дела пошли у него веселее. То ли он нащупал слабинку в стене, то ли по другой причине, но вскоре в старинной кирпичной кладке образовалось аккуратное отверстие. Однако света, как ожидалось, оно не пропустило.

– Надо же, – сказал он самому себе, заглянул в отверстие. – Похоже, тут какая-то ниша.

Он взглянул на план, который дал ему бригадир. Никакой ниши на плане обозначено не было.

– Странно...

Некоторое время он колебался. Но какое-то чувство заставило его снова взяться за инструмент. Удар, еще удар. И неожиданно целый пласт кирпичной кладки рухнул.

– Е-мое! – вырвалось у него. – Чур меня!

И было чего испугаться. Прямо на него из стены тарасились пустыми дырами глазниц череп. Рабочий отпрыгнул назад и истово перекрестился, хотя в бога не верил. А потом

на всякий случай огляделся по сторонам – никого.

Хотя в бывшей дворянской усадьбе, ныне переданной новому владельцу, никого и не должно быть. Напарник ушел. Новый хозяин вообще тут не появлялся.

Купил разваливающуюся усадьбу с торгов и нанял бригаду реставраторов, которые обязались дать помещицкому дому новую жизнь. Рабочие никогда не видели этого человека. С ним имел дело только бригадир. Но как его найдешь? Даже телефон у него выключен.

Набрав номер раз и другой, рабочий вздохнул:

– Кого обманываю!

Реставратор прекрасно знал, где его бригадир. В это время суток тот общался с аппетитной молодкой из соседней деревни. И пока ее родители вкалывали в бывшем колхозном коровнике, ныне принадлежащем ООО «Потемкин», молодка ублажала дорогого гостя. Естественно, чтобы процессу не мешали жена или рабочие, предусмотрительный бригадир всегда отключал свой телефон.

Реставратор оказался наедине с непонятно откуда взявшимся черепом. Поежившись, он все же шагнул к провалу.

– Что же, давай знакомиться, – произнес он и заглянул в нишу.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что череп надежно прикреплен к скелету. На костях еще держались полуистлевшие остатки старинного камзола. А кожаный ремень и металлические пуговицы так и вовсе сохранились почти

идеально.

Но не это привлекло к себе внимание мужчины.

– Что за черт?! – воскликнул он, приглядевшись.

И было от чего прийти в изумление. Одна рука скелета была сложена в кукиш. А в другой... в другой он держал нечто вроде тряпичного свитка. И когда реставратор вытаскивал этот свиток, ему показалось, что скелет ухмыльнулся ему. Как сообщнику.

Глава 1

Ночной звонок застал Маришу врасплох. Поеживаясь от прохладного воздуха, который натянуло из приоткрытой створки окна, девушка доплелась до истошно гудящего телефона и взглянула на высветившийся на табло номер. Поняла, кто ей звонит, и Маришу передернуло уже по другому поводу. Звонила ее родная тетка Серафима. Учитывая, что электронные часы на стене показывали половину второго ночи, от этого звонка ничего хорошего ждать не приходилось.

Но делать нечего. Родственников не выбирают. Можно поменять друзей, мужей и любовников, но вот от кровных родственников вы так легко не отделаетесь. Даже если вы в жуткой ссоре, они продолжают оставаться вашими дядями, тетями, бабушками или дедушками. Поэтому, еще раз поежившись и мысленно воззвав к небесам о милости, Мариша протянула руку и сняла трубку.

– Алло! Алло! – тут же истошно завопила та теткинским голосом. – Ты что так долго не подходила? Спишь, что ли?

– Да! – рявкнула Мариша. – И что в этом странного? Ночь на дворе!

– Ты спишь, а твой дядя, между прочим, в больнице!

Мариша помолчала. Она знала, что у дяди проблемы с камнями в почках. И вроде бы он собирался лечь в клинику, где ему за короткий срок обещали раздробить эти кам-

ни в песок и высеять его из дяди прямо в канализацию. Но почему тетка решила напомнить об этом Марише? Да еще почти в два часа ночи?

– Я тебе из больницы прямо и звоню! – продолжала над-
рывать тетка Серафима.

– А-а-а, – протянула Мариша. – Ну и как там дядя?

– Плох! – грустно сообщила ей Серафима.

– Что такое? Камни слишком крупные? Не колются?

– Какие камни? Ах, это! Нет, Маришечка! Нет! Твой дядя тут не с камнями оказался.

Теперь Мариша ощутила настоящую тревогу. Не просто там какое-то смутное чувство, основанное на одних ощущениях. Нет, теперь у ее тревоги было прочное основание. И она росла и ширилась, заполняя собой Маришу.

– А что такое?

– Все очень скверно! Врачи даже не ручаются, что он выживет. А уж о том, чтобы он когда-нибудь стал прежним, речи вообще не идет.

– Тетя! Тетя! Что с ним случилось?

– Он попал под машину!

– Когда?

– Только что! А точнее, сегодня около двенадцати часов ночи.

Мариша изумилась еще больше. Ее дядя был примерным семьянином. Таким примерным, что в глубине души Мариша считала его просто занудой. Он аккуратно возвращался

домой к шести часам вечера. Выпивал бокал «Шардоне» или другого вина, потом ужинал и за ужином выпивал рюмку водки. И никуда больше после этой единственной рюмки не выходил.

– А что дядя делал в полночь на улице? – поинтересовалась Мариша, мельком глянув за окно.

Там бушевал ветер, гоня перед собой первые опавшие с деревьев листья. И вроде бы даже накрапывал мелкий холодный дождик. Определенно, осень в этом году не хотела радовать горожан своим теплом. И что в такую мерзкую погоду делал ее дядя на улице? Гулял?

– Ничего он не гулял! Мы возвращались из гостей!

– Пешком?

Мариша продолжала недоумевать. А тетка разозлилась.

– Господи, да почему пешком?! На такси мы возвращались. Но вышли не у самого подъезда, у нас там ремонт. Как осень, они трубы меняют, все перекопали.

В голосе тетки слышалось неодобрение в адрес нерадивых работников ЖЭКа, которым полагалось бы побеспокоиться о замене труб еще в летний теплый период, а не дожидаться, когда на город того и гляди опустятся первые заморозки.

– Вот мы и вышли из такси. Нам нужно было всего лишь перейти дорогу. И мы были бы у себя дома. А тут этот сумасшедший. И откуда он появился? Дорога была абсолютно безлюдная. Я перешла первой. А твой дядя замешкался. Я уже стояла на тротуаре, когда раздался этот ужасный звук,

словно от удара. Я оглянулась и увидела, что та машина удаляется. А твой дядя лежит на дороге и не двигается.

– И что с ним?

– Он плох. У него многочисленные переломы и сотрясение мозга! – мрачно произнесла тетка Серафима. – Врачи ни за что не ручаются. Так что ты должна мне помочь!

Некоторое время Мариша размышляла.

– Тебе привезти денег? – осенило ее.

– Денег, хвала господу и твоему дяде, который умеет их зарабатывать, у меня полно!

– Тогда что тебе привезти?

– Носочки.

– Что?!

– Ну да, носочки. И еще носовой платок.

– Какие носочки? Какой платок?

– Не знаю я! – с некоторым раздражением в голосе ответила тетка Сима. – Но тут при больнице есть часовня. Она круглые сутки открыта. Пока врачи занимались с дядей, я туда зашла.

– Помолиться?

– Ну да. И разговорилась там с одной женщиной. У нее тоже муж лежит в коме. Так она сказала, что послала дочь в монастырь. За носочками для папочки и за носовым платком. Ты тоже съезди.

Мариша ощутила нехорошее посасывание в области желудка. Так с ней бывало, когда она ощущала непосредствен-

ную угрозу своему благополучию. Но пока девушка еще не разобралась, в чем именно состоит эта угроза. И просто испугалась за здравый рассудок своей тетки.

– Куда я должна поехать? – переспросила она. – В монастырь?

– Да.

– И купить там носки для дяди и носовой платок для него же? – все еще не веря до конца в то, что ее тетка на почве всех этих переживаний не поехала умом, уточнила Мариша.

– Да!

Ответ тети не утешал. У тетки поехала крыша. Оставалось только надеяться, что процесс этот обратим. И не зашел слишком далеко.

– Тетечка! – ласково произнесла она. – А зачем так далеко ехать? Мне для дяди ничего не жалко. И завтра, нет, уже сегодня прямо с утра я для него куплю в лучшем универмаге города самые лучшие носки и платки. Шелковые!

Но тетка на компромисс не пошла.

– Только в монастыре! – твердо заявила она. – Там они чудотворные!

Ах, вот оно что! Тетка услышала, что у кого-то будут такие носки и платочек, и возжелала для своего мужа такие же. Все ясно. Но не успела Мариша порадоваться, что ее тетка находится все еще в своем уме, как тетя Серафима добавила:

– И так как собственной дочери у меня, как ты знаешь, Мариша, нет, в монастырь поедешь ты!

– Что?

– Ну да! – радостно подтвердила тетка Сима. – Я все узнала. Автобус отходит завтра от автобусного вокзала ровно в десять часов утра. Ты сядешь на него. И через четыре часа будешь в монастыре. На покупку платочков и носочков я даю тебе еще один час. Возьми сразу пять пар. И сразу же обратно. К вечеру будешь снова в городе. А твой дядя будет спасен!

– Тетя, я не могу! У меня весь завтрашний день расписан буквально по минутам! – попыталась отвертеться Мариша.

И тогда тетка Сима пустила в ход запрещенное оружие. Слезы. Да, она принялась рыдать так громко, что Марише стало стыдно за себя и страшно за тетку Симу. Этак она до сердечного приступа доплачется! И что Марише тогда делать, когда на больничной койке окажутся уже целых два ее родственника? Родная тетка и дядя – это вам не шутки.

– Твой дядя умирает! – рыдала тем временем тетка Сима. – Если он умрет, с кем я останусь? Одна! Совсем одна! Одинешенька.

– Не плачь. Дядя не умрет!

– Не умрет, так инвалидом останется! – охотно подхватила тетка Сима. – Это же еще хуже! Работать он не сможет. Все накопления мы истратим на лекарства и проедем еще в первый год. А потом что нас ждет? Нищета! Убожество! Ужас! Ты хочешь, чтобы твоя тетя побиралась на помойках вместе с бомжами?

Мариша молчала. Она не решалась намекнуть тетке Симе, что конкурировать с бомжами ей даже при самом скверном раскладе вовсе не нужно. Гораздо проще и достойней будет найти себе работу. Но Мариша по собственному опыту знала, что избалованная мужней заботой тетка Сима воспримет ее предложение с возмущением. Мариша один раз уже ляпнула подобное, когда тетка Сима жаловалась на свою скучную жизнь: «Только дом и твой дядя, ни одного нормального человеческого лица». А потом тетка Сима не разговаривала со своей племянницей целый месяц.

Поэтому сейчас Мариша только вздохнула и сказала:

– Не надо тебе на помойке, тетя Сима, рыться. Говори, куда нужно ехать?

Тетка Серафима немедленно утешилась. И принялась объяснять племяннице, куда и как ей предстоит отправиться завтра утром. Мариша покорно все записала на подвернувшемся под руку клочке бумажки. Положила трубку. И поплелась в кровать. Но сон упрямо не шел к ней. Что-то ее тревожило. Что? Мариша и сама не могла толком объяснить. Но она чувствовала, что ее спокойствию на долгое время пришел полный и окончательный конец.

– А как все хорошо было! – простонала Мариша. – Любимый муж в отъезде. Полная свобода. Казалось бы, делай что душе угодно. Так нет же! Нет в жизни счастья. И зачем мир так устроен, что в нем есть родственники?

И наконец, проворочавшись без сна до пяти утра, Мари-

ша все же уснула, чтобы через два часа встать по звонку заведенного на семь утра будильника.

Пока Мариша копошилась, прикидывая, что из вещей ей понадобится взять с собой в неизвестный монастырь, а что лучше надеть на себя, у нее внезапно зазвонил телефон. Полная дурных предчувствий, она подошла к нему. Но, к счастью, это была не тетка Сима с очередным поручением. Звонила Катюха.

Это была Маришина соседка. Поселилась она в соседней квартире год назад. И так как была она человеком совсем не вредным, а напротив, веселым и благожелательным, Мариша быстро нашла с ней общий язык. Обе девушки были примерно одного возраста. Но отличие Кати от Мариши состояло в том, что та ни разу не была замужем, но страшно хотела побывать. А Мариша замуж никогда особо не рвалась, но каждый раз попадала.

– Что у тебя случилось? – спросила Катя, едва поздоровавшись.

Мариша опешила. Такая проницательность соседки поразила даже ее.

– Откуда ты знаешь, что у меня что-то случилось?

– Ты топаешь, как стадо слонов! – хмуро пояснила Катюха. – А у меня бессонница. Можно я к тебе приду?

– Приходи, – разрешила Мариша и тут же спохватилась, Катюхины визиты короткими не бывали: – Только я через час уезжаю.

– О! Все куда-то едут! А ты куда намылилась?

– Далеко. В монастырь.

Катька помолчала, попыхтела, а потом все же спросила:

– Зачем?

– Дядя у меня в больнице. Еду за него молиться. К святым мощам. Говорят, помогает, если хорошенько попросить.

– Что попросить?

– Что угодно.

– И мужа можно?

– Можно.

Мариша думала, что на этом беседа свернется. Но не тут-то было. Услышав про монастырь и чудотворные мощи, Катерина необыкновенно оживилась и воскликнула:

– И я с тобой!

– Зачем? У тебя, что ли, тоже кто-то болеет?

– Я! – с раздражением воскликнула Катька. – Я сама и болею!

Мариша удивилась. Соседку она видела всего сутки назад. И тогда Катерина произвела на нее впечатление на редкость здоровой, цветущей девушки.

– Нет, я чахну! – упорствовала Катя. – И если ты не возьмешь меня с собой, совсем сгину.

– Но ты...

– Если хочешь знать, это судьба! – перебила ее Катя.

– Что именно? То, что мой дядя угодил в больницу?

– Все! И твой дядя. И то, что я не спала и слышала, как

ты топаешь. И то, что я тебе позвонила. Все вместе!

Мариша молчала. А Катерина твердо заявила:

– В общем, хочешь ты или не хочешь, а я еду с тобой!

– Но ты же здорова!

– Много ты понимаешь. Сама классного мужика себе отхватила, а мне что? Погибать теперь с тоски?

Только тут до Мариши наконец дошло, о чем талдычила ее приятельница. Вот что! Мужчину ей подавай! Надеется в святом месте вымолить себе хорошего жениха. Но, как ни странно, с этой Катькиной мечтой Мариша была очень даже солидарна. Она по опыту знала, как грустно быть одной. Лишь прошлым летом она познакомилась со своим любимым Георгом, который и составлял ее женское счастье уже больше года.

Сейчас он уехал в родную Армению. И Мариша страшно скучала по нему. Гораздо сильнее, чем могла себе представить. У нее даже сердце ныло, когда она слышала его родной, но такой далекий голос в телефонной трубке. И потому Мариша, расчувствовавшись, немедленно пригласила Катю составить ей компанию.

– А я тебе не помешаю? – поняв, что вопрос с ее поездкой решен положительно, немедленно принялась ломаться Катька.

– Буду только рада.

Катька у себя дома просияла. Она была человеком простодушным. И так как сама всегда говорила людям именно

то, что и думала, то и от других ожидала того же. Хорошо это было или плохо, Мариша сказать затруднялась. Определенно замужеству ее прямога мешала.

Посудите сами, кому приятно, когда любимая девушка вам безапелляционно заявляет: «Ты человек умный, но лентяй. И поэтому в жизни ничего не добьешься. Только и умеешь, что на диване валяться!» Или другому жениху Катя ласково говорила: «Ты горький пьяница. Меня не слушаешь, себя не любишь, мать свою пожалей!»

Еще в ее репертуаре были высказывания об эгоизме, трусости, глупости и прочих отрицательных качествах ее знакомых. И хотя Катька упоминала также и о положительных качествах своих женихов, те почему-то помнили только плохое. Обижались, ссорились и исчезали.

Мариша даже пыталась поговорить с Катей на эту тему.

– Ты гладь их по шерстке, – посоветовала она ей. – Тогда они будут ласковые и домашние.

– Я и глажу! Но если не я, то кто им скажет правду? Ты видела моего Кольку? Он уже не просто толстый! Он жирный. И это в первую очередь нехорошо для него самого. Он совсем молодой человек, а у него уже сердце больное. А все почему? Организм с нагрузкой не справляется. И конечно, Коле нужно худеть. Но он не может. А значит, он не просто толстый, но еще и слабовольный.

И пусть это было тридцать раз правдой, в глазах потенциальных женихов эта суперправдивость их невесты очков

Катьке не добавляла. И к тому же Катька была упряма, как стадо ослов.

— Что такого, если я говорю чистую правду? Они же не дураки, должны понимать, что я ни капли не преувеличиваю. Как есть, так и говорю! И хорошее, и плохое, все в глаза скажу!

Но выдержать постоянную истовую правдивость долго никто из мужчин не мог. И хотя возле Кати постоянно отиралась толпа женихов, но постоянных не было. А ведь Катька была красивой женщиной. Высокой и фигуристой. К тому же она являлась счастливой обладательницей длинных густых и по нынешней моде идеально прямых волос, которые Катька из темно-русых по своему желанию превращала то в золотистые, то в пепельные, то в рыжие, а то даже становилась брюнеткой.

Неудивительно, что Катя привлекала к себе мужские взгляды и сердца. Но, увы, ненадолго. Мариша голову сломала, пытаясь понять, как помочь подруге. И ведь та была не болтушка. Нет, она открывала рот, казалось, исключительно для того, чтобы обидеть очередного кавалера разбором его достоинств и недостатков.

Однако на все намеки о том, что лучше бы иной раз вовсе помолчать, Катька неизменно как вчера, так и сегодня отвечала:

— Но я ведь говорю им только о тех недостатках, которые можно и нужно искоренить. Разве ты хоть раз слышала, что-

бы я хромоту указала на его дефект? Нет! Никогда! Потому что прекрасно понимаю, что новую ногу ему уже не отрастить.

— Но зато ты ему сказала, что он слишком самоуверен, — напоминала ей Мариша. — И получил травму ноги именно вследствие своей самоуверенности.

— А зачем он поперся прямо через трамвайные пути, даже не посмотрев по сторонам? Ясное дело, потому что был уверен: он такой яркий и замечательный, что даже трамвай затормозит. А трамвай не затормозил. Ну, и кто после этого виноват?

Мариша не знала, что и отвечать. А Катька продолжала:

— Или взять, к примеру, Петю.

— Петю?

— Слепенького.

— А-а-а!

— Этому парню, глаза которого за линзами очков вообще не разглядеть, разве я ему что-то про его зрение сказала? Прекрасно знаю, он и его родители уже сделали все, что было возможно.

— Но ты ему сказала, что если уж он родился с таким дефектом, то своих детей ему иметь не следует.

— А разве это неправда? Бедные крошки! Страшно подумать, что с ними будет, если он передаст им свой порок! Они же могут родиться совсем слепыми!

В общем, борьба за то, чтобы сделать человечество или

хотя бы отдельно взятую мужскую его часть лучше, доводила Катьку до полного отчаяния. Мужчины, несмотря на то что она четко и ясно излагала им все их недостатки, лучше становиться упорно не желали. И, как уже говорилось, торопились к тем женщинам, которые их недостатки вовсе такими не считали. Лишь милыми странностями, с которыми легко смириться при желании.

– Ну и дуры! – сердилась Катька. – Сами же потом плакать будут. Разводиться побегут. Семьи порушат.

– Мяу! – сердито подтверждала Маруся – Катькина кошка. – Мяу! Мяу!

Мариша покосилась на кошку. Авторитет Маруси в данном вопросе ее умилял. А Катька протянула руку и благодарно погладила Марусю. Кошка под ее рукой выгнулась и немедленно замурыкала.

«Нам с тобой, хозяйка, и так хорошо, верно? – казалось, говорила она. – Только вдвоем и никаких мужчин, да?»

Маруся была трехцветной, с длинным пушистым хвостом и лукавой маленькой мордочкой. Катька уверяла, что трехцветные кошки приносят счастье. И потому из многочисленного помета Марусиной мамочки выбрала именно Марусю, тогда еще крохотного, почти слепого котенка с рыжими и черными пятнами и белым нагрудничком и манжетами.

Маруся, в отличие от Катьки, мужчинами не интересовалась. С кошками по крышам домов ни днем, ни тем более ночью не шастала. И удивительным образом оставалась глу-

ха к зову матушки-природы. За всю свою четырехлетнюю жизнь она ни разу не принесла потомства, хотя дышать свежим воздухом во двор выбиралась регулярно. И возможностей для амурных встреч с противоположным полом у нее было предостаточно. Но что бы там ни происходило, Маруся упорно не беременела. И котят не рожала, к изумлению, негодованию, а потом и страху своей хозяйки.

По истечении двух лет, так и не дождавшись потомства, Катька потащила кошку к ветеринару. Но тот глубины проблемы не осознал и просто поднял Катьку на смех.

– Миллионы владельцев кошек только и мечтают о подобном раскладе, – заявил он Катьке. – Чем вы недовольны?

– Может быть, она больна?

Врач оживился и предложил сделать Марусе полное обследование. Но, узнав, в какую сумму выльется это обследование, Катька схватила свою кошку в охапку и была такова. И вот теперь Маруся сидела рядом с хозяйкой. И мяуканьем подтверждала каждое Катькино слово.

Мариша вздохнула. Тяжело иметь дело сразу с двумя оппонентами. Но все же она не теряла надежды переубедить Катьку и Марусю в том, что не все мужчины так уж плохи.

– Зачем так мрачно? Может быть, и не побегут?

– Да разве можно жить с дураком или с пьяницей? – искренне удивлялась Катька. – Или с распутником? А с самодуром ты лично жить захочешь?

Мариша помотала головой. Нет, лично она бы не захотела.

Но ведь и среди женщин встречаются аналогичные личности. И дур среди них хватает. И лентяек тоже. И даже пьянчужки или стервы то и дело попадают. И такие вполне смогут ужиться со своей аналогично испорченной половиной. Так, может быть, проблема Катки в том, что она просто еще не нашла ее? Такого же непробиваемого правдолюбца?

Весь этот разговор велся в автобусе по дороге в монастырь. Правда, сначала подругам не удалось взять билеты. Все они оказались распроданы за много дней вперед. Но они изловчились и сунули водителю деньги за проезд в толстую волосатую лапу. А он в ответ предложил им откидное сиденье рядом с собой. И низкую раскладную табуреточку.

Оба сиденья были одинаково неудобными. На откидном сиденье ноги свисали в пустоту. А на табуретке, наоборот, задирались почти до подбородка. Но, меняясь каждый час местами, приятельницы поняли, что могут путешествовать вполне сносно. К тому же они скрашивали нудную дорогу интересной беседой о мужчинах.

– Я всегда считала и считаю, что идеальных людей не бывает, – говорила Мариша. – За исключением разве что моего Георга.

– Так уж он в самом деле идеальный? – усомнилась Катя. – Знаешь, я бы не хотела тебя пугать, но был у меня один идеальный.

– И что потом?

– Потом оказалось, что он сексуальный извращенец. Уже

на третье свидание притащился ко мне с чемоданчиком.

Но напрасно доверчивая Катька радовалась, решив, что кавалер собрал свои манатки и перебирается к ней жить. В порыве ликования она даже закрыла глаза на то, что это решение он принял единолично. Так сказать, без ее ведома. Но в чемоданчике, к изумлению Кати, вместо сменного белья, мужских тапочек, полотенца и бритвенного набора оказались наручники, плетка, цепи и хлысты всех размеров и видов.

Кроме того, в качестве дополнительных подручных средств мужчина притащил еще черенок от лопаты и густой веник. Но не для бани и не для сада-огорода, как вначале подумала наивная Катька. Предполагалось, что черенком лопаты он, как дубинкой, хорошенько отходит Катьку. А веник он растреплет и потом будет хлестать Катьку по ее голой попе «березовой кашей», доставляя тем самым ей безумное наслаждение.

Почему он решил, что ей это понравится, Катька в толк взять так никогда и не смогла. Вроде бы ничто в ее поведении не должно было навести жениха на мысль о садомазохистских наклонностях. И на это Катька уже закрыть глаза никак не могла.

– Если бы я закрыла глаза, то как бы я потом стала сидеть?

В общем, кандидат в женихи вылетел из Катькиного дома вместе со своим чемоданчиком. А дубинкой она отходила его самого.

– И кажется, ему это здорово не понравилось. Он все кричал, что я неправильно поняла. И что нам нужно бы поменяться ролями.

Но меняться с ним ролями девушка не захотела. И, спустив потрепанный веник со своего балкона, поклялась не верить в то, что на свете существуют идеальные мужчины.

Так в занимательных разговорах о мужчинах и их пороках подруги сами не заметили, как доехали до своей цели.

Глава 2

Монастырь был великолепен. Его гладкие белые стены венчали серебристые купола с крестами. Впечатляли белые высокие стены, резные ворота, крохотные окошки монастырских келий. От всего этого зрелища веяло таким покоем и силой, что сразу становилось понятно: эти стены стояли тут с незапамятных времен. И простоят еще столько же.

– Какая красота! – ахнула Катька.

И Мариша кивнула в ответ. Монастырь стоял на холме на берегу огромного чистого озера. По водной глади сейчас пробегала легкая рябь от внезапно поднявшегося ветерка. И Мариша поежилась. То ли от поднявшегося прохладного ветерка, то ли от чего-то другого.

Автобус высадил богомольцев и жителей маленькой деревушки, которая окружала монастырь, и уехал дальше. А подруги заторопились к монастырю, следом за остальными верующими. Мариша торопилась выполнить поручение тетки. А Катька... Что же, у Катьки были свои причины, чтобы поторопиться. Ведь с каждой пролетающей минутой она становилась старше. И замуж ей хотелось все сильнее.

Для начала подруги обошли монастырь с экскурсией. Все троим. Их пушистая четвероногая подруга – кошка Маруся – путешествовала в дорожной сумке. Всю дорогу она вела себя примерно. И даже сейчас не издавала ни звука. Только

когда подруги подошли к главному храму, она начала царапать сумку изнутри, требуя, чтобы ее выпустили. Но, оказавшись на свежем воздухе, далеко от хозяйки не отходила. И совершила пешую экскурсию вместе с подругами.

Девушки узнали массу интересного о прошлом монастыря, о святых отцах, которые жили и молились во славу божью в этом месте. О том, как в тридцатые годы монастырь был окончательно закрыт и передан во владение какой-то воинской части, которая поселила в кельях солдат, а храм использовала вместо склада.

Все это было очень познавательно, но Мариша томилась. У нее ведь было важное дело. Наконец экскурсия подошла к концу. Мариша помчалась в церковную лавочку. А Катька к святым мощам, чтобы выпросить там подходящего мужа.

– Встретимся через полчаса! На этом же месте!

Этих тридцати минут Марише хватило на то, чтобы выяснить, что ни носков, ни носовых платков церковная лавочка в своем ассортименте не имела.

– Обманули! – ахнула Мариша. – Такой путь проделала, а все напрасно!

Сидящая за прилавком старая гримза в простых старомодных очках и черной кофте искоса глянула на девушку. На вид ей было лет шестьдесят, но с таким же успехом могло быть и сорок, и сорок пять. Эти церковные матушки возраста не имели и с морщинами никогда не боролись, считая это суетой и чуть ли не грехом.

Волосы у матушки были убраны в тугой пучок. И сверху прикрыты чистенькой беленькой косынкой. А морщинистая обветрившаяся кожа опять же еще ни о чем не говорила. Солнце и ветер в больших дозах губительны для нежной женской кожи.

– И в чем же тебя обманули? – осведомилась женщина у Мариши. – Какая у тебя беда?

– Родственник в больнице лежит.

– И кто у тебя болеет?

– Дядя! Родной дядя! Угодил под машину.

– Молись за него! – строго велела ей монашенка. – Все в божьих руках.

– А тетя меня послала к вам, сказала, чтобы я ему купила для исцеления платочек и носочки.

На лице монашенки мелькнуло изумление. Но тут же погасло. Она внезапно тяжело вздохнула. И выложила на прилавок белую тапочку и женский головной платок из простого ситца.

– Вот что тебе нужно, – сказала она. – Тапочка с ноги преподобного. И платочек умащен миро.

– И что с ними делать?

– Носить, – буркнула монашенка и отвлеклась на других покупателей.

Носить? Мариша с трудом представила своего шикарного дядю в одной белой тапочке. И с повязанной женской косынкой головой. Но, с другой стороны, если он, по словам

тетки Симы, одной ногой все равно в могиле, может быть, так и нужно? И она, не колеблясь больше, приобрела необходимые вещи.

А также набрала в целебном источнике воды в пластиковую бутылку, которую купила в той же лавочке всего за десять рублей. Еще по совету монашенки она купила для дяди несколько икон – Николая Чудотворца и Пантелеймона Целителя. И нательную ладанку с частицей гроба святого.

И с чувством выполненного долга, очень довольная, вышла из лавочки, почти полностью уверенная, что ее дядя будет спасен. Катьку она увидела почти сразу. Маруся была рядом с ней и неодобрительно взирала на то, как ее хозяйка беседовала с каким-то странным бородатым мужчиной в длинном вытянувшемся свитере, из-под которого выглядывали темные штанины брюк.

Мариша чувства Маруси разделяла. А вот Катьку решительно не понимала. Дядька был хмур, угрюм и, как оказалось при ближайшем рассмотрении, вонюч. Пахло от него вареной рыбой, которую подавали в монастыре на обед и остатки которой застряли в густой бороде и усах старожилы.

– Говорю вам, не будет тут никакого автобуса, – бурчал он под нос, явно смущаясь и избегая смотреть Катьке в лицо и пялясь на разрез ее юбки. – До завтрашнего дня не будет.

– Отвезите тогда нас в город!

– Кто? – изумился дядька. – Я?

– Мы вам заплатим!

– Не могу я. Благословения у меня на это нету, – отбивался от нее дядька.

– Как же так? А где же нам ночевать? – наседала на него Катя.

– Не знаю! В гостиницу идите! Все там живут.

– А кушать?! Мы проголодались, между прочим.

– В деревне есть столовая. Там и поедите!

– Вы нас проводите туда?

Но терпение мужчины лопнуло. Вместо ответа он повернулся и поспешно начал удаляться, крестясь и бормоча себе под нос что-то о бесовском наваждении и дьявольском искушении, которое пожаловало прямо к нему в гости.

– Ты поняла? – повернулась к Марише расстроенная Катя. – Автобуса нет. Такси дорого. Похоже, мы застряли тут до завтрашнего дня.

Если бы она могла заглянуть в будущее, она бы поостереглась со столь оптимистичным прогнозом. Но пока подружки были озабочены лишь тем, где они могут поесть и где они будут ночевать. К счастью, обе эти проблемы быстро решились.

Деревня жила за счет монастырских паломников. И представляла им почти полный сервис. Гостиница, ресторан при ней. И даже кафе в деревне, где продавалось пиво. А в магазинчике – еда и крепкие алкогольные напитки сравнительно приличного качества. Во всяком случае, «Красной шапочки» и «Тройного» одеколону, которым так любят торго-

вать деревенские захолустные лавчонки, тут в ассортименте не наблюдалось.

Гостиница оказалась двухэтажным каменным зданием, построенным еще в советские времена. И сейчас в нем жили все, кто приезжал в монастырь помолиться, потрудиться или по какой-то другой надобности. Впрочем, священники и прочие важные чины от духовенства останавливались в другой гостинице, имевшейся на территории монастыря.

А для посетителей попроще предлагалось это здание. Несмотря на каменные стены, удобства тут были на улице. А вода только холодная. В номерах стояло по четыре или даже по шесть кроватей. И сначала подруги пришли от такой перспективы в ужас. Но милая девушка Верочка, которая отвечала за расселение, быстро успокоила подруг.

– Я вас помещу в четырехместный номер. Но подселять к вам никого не стану. Живите себе спокойно. Места у нас полно.

– С нами еще кошка, – сказала Катя, продемонстрировав Верочке свою пушистую питомицу.

Верочке кошка понравилась.

– С животных мы денег не берем! – рассмеялась она. – Тем более с таких симпатичных.

Цена за комнату, где стояли четыре железные кровати и в стену было вбито несколько гвоздей, изображавших из себя вешалки, оказалась до забавного низкой. И собственно, дешевизна была единственным достоинством этой деревен-

ской гостиницы.

– Все равно выбирать не приходится, – сказала Катька.

Сидеть в унылом «номере» подругам не хотелось. И, быстро побросав свои вещи, они оставили Марусю на хозяйстве и вышли на улицу. Пройдя несколько шагов по единственной деревенской улице, наткнулись на маленькое кафе, где и перекусили борщом с пирожками с яичной и картофельной начинкой. После еды жизнь неожиданно заиграла новыми красками. Девушки повеселели. И решили прогуляться.

– Приятное местечко, – решила заметить Мариша, когда они покинули деревню и побрели по округе. – Лес, озера.

– Даже очень красивые места тут, – заметила Катька. – И птички! Смотри, какие симпатичные галки.

Мариша покосилась на перепачканных в угольной крошке птиц, ставших совершенно черными. Даже белое ожерелье у них на шее было почти не видно. Но, кажется, галки были довольны собой. Они деловито ковырялись в перепачканной углем земле, выискивая что-то чрезвычайно важное для себя. На людей птицы не обращали никакого внимания. Но Катька, обожавшая все живое, все равно умилялась.

– Я видела, – рассеянно кивнула Мариша. – А кстати, ты не знаешь, что там на холме?

Катька прищурилась и посмотрела на другую сторону озера. Там стояла то ли часовенка, то ли маленькая церковь. Что именно это было, подруги сказать затруднялись.

– Пошли посмотрим?

И подруги пошли. При приближении к часовне стало ясно, что само здание нуждалось в срочной реставрации. Краска давно облупилась с кирпичных стен. Да и сами стены местами уже начали рушиться.

Но возле церкви суетились двое рабочих. И это вселяло определенные надежды. По дороге в монастырь подруги видели множество церквей и храмов, находящихся в очень плачевном состоянии. Оказывается, это только в крупных городах церкви активно реставрируются или отстраиваются заново на средства богатых прихожан. А стоит отъехать от города всего на каких-нибудь семьдесят-восемьдесят километров, и начинается всеобщая разруха и нищета.

Церкви не под силу восстановить все то, что было отнято у нее за годы правления большевиков. А пожертвования сельских прихожан слишком малы, чтобы с их помощью и за короткий срок можно было надеяться на полное восстановление утраченного.

— Храмы, особенно сельские, должны восстанавливать сами люди. Своими собственными руками. Чтобы храмы росли одновременно с верой людей в бога. Пусть и медленно, но чтобы потом самим же и прийти в эти выстроенные ими же храмы.

Эту мысль подруги вычитали из церковной газеты, которую издавал здешний монастырь и раздавал всем паломникам. Что же, в ней был свой смысл. Не скоро дела делаются. Особенно добрые.

И так как делать подругам было равным счетом нечего, то они побрели к полуразвалившейся часовне.

– Интересно посмотреть, что они там делают.

Приблизившись, девушки поняли, что это маленькая церковь. Они заглянули внутрь и увидели, что там был устроен временный алтарь и висело несколько дешевеньких икон. Но появление девушек вызвало бурное недовольство у реставраторов. Особенно негодовал один из них. Между прочим, их знакомый. Тот самый бородатый тип с ускользающим взглядом, которого еще в монастыре пыталась очаровать Катька.

Кажется, он ее тоже запомнил. И теперь заподозрил в том, что она его преследует. Ничем иным нельзя было объяснить ту откровенную недоброжелательность, с какой он встретил появление подруг.

– Не ходите тут! – рявкнул он на них, едва они приблизились к церкви и заглянули в одно из разбитых окошек.

– Почему? Мины? – попыталась пошутить Мариша.

Но мужчина ее шутки не принял.

– Да! Мины! – рыкнул он.

Девушки пожали плечами, но уходить не собирались. Отчасти потому, что им хотелось осмотреть церковь, в которой сохранились на стенах дивной красоты фрески. А отчасти... отчасти они забавлялись, поддразнивая нелюдимого мужика. А тот буквально исходил желчью, шагая след в след за подругами. И зорко следя за ними.

– Вы за нами ходите, боитесь, как бы мы не украли чего-нибудь? – наконец поинтересовалась у него Мариша. – У вас тут сокровища в земле зарыты?

Кажется, его этот вопрос смутил. Он что-то пробормотал себе под нос. Отвернулся и зашагал прочь.

– Вы его извините! – произнес второй мужчина, когда его товарищ скрылся из виду. – Он со всеми такой. Представляете, мы с ним все лето вместе трудимся, а даже имени его до сих пор не знаем.

– Так как же вы к нему обращаетесь?

– Да никак, – беззаботно отозвался тот. – А ежели кликнуть нужно, то Бородой зовем.

– Борода, – пробормотала Мариша. – Занятно.

– А вы тут вдвоем? – заинтересовалась Катька, непроизвольно подмигивая мужчине.

Он был достаточно молод, хорошо сложен. И хотя его лицо закрывала густая растительность, но глаза задорно блестели. И кожа была чистая. А на симпатичных мужчин у Катьки было нечто вроде условного рефлекса. Она начинала кокетничать, иной раз сама себе не отдавая в этом отчета. Как кошка при виде мыши хочет ее поймать, так и Катька при виде бесхозного мужчины готовилась прибрать его к своим рукам.

Сначала ей понравился Борода, но теперь она обнаружила более привлекательную кандидатуру. Да и Борода сбежал. Так что Катьке ничто не мешало переключиться на нового

кандидата. И она ему снова подмигнула. Мужчина немного удивился Катькиному дружескому подмигиванию. Но все же ответил:

– Почему же вдвоем? Трудников тут на скиту много. Просто сегодня все на сеновал отправились.

– А вы чего не пошли?

– Я – художник, – прищурил глаза мужчина. – Фрески восстанавливаю. Так что глупо заставлять художника ворошить сено. Я тут больше пользы принесу.

– А остальные?

– А остальные просто мои помощники. Они и там, на сеновале, пригодятся.

– А этот Борода? – спросила Мариша, которая все еще не могла выкинуть из головы невежливого детину. – Он тоже художник?

– Кто его знает? – пожал плечами художник. – Но не думаю. Никаких художеств, кроме угрюмого нрава, я за ним не замечал. Хотя...

И мужчина замолчал, о чем-то размышляя.

– Что же этого Бороду на сено не забрали?

– А вы бы попробовали ему чего-нибудь сказать! – вздохнул тот. – Кстати, меня Владимиром кличут.

Подруги тоже представились. И Владимир предложил им показать Никольский скит.

– А почему скит? – удивилась Мариша. – Я думала, это церковь.

– Нет. Это скит.

– И зачем он?

– Преподобные братья из обители не всегда жили в монастырском общежитии. Случались у них моменты, когда они уходили на некоторое расстояние от остальной братии. В лес. И жили там, неустанно творя святую молитву.

– Понимаю! – обрадовалась Мариша. – Типа, когда их все доставали, они просто уходили подальше?

– Вроде того. Но так как человеку для жизни нужна крыша над головой, то они строили домик. Потом к домику пристраивали часовенку. А потом устраивали и церковь.

Теперь подругам был более или менее понятен смысл того, почему эта церковь, вернее, скит, стоит в отдалении от основного монастыря. Сюда из монастыря уходили святые отшельники, чтобы без помех и суеты молиться о судьбах мира, монастыря и братии.

– И давно вы тут работаете?

– Все лето.

И в это время на пригорке снова появился Борода. Увидев, что девушки не только не ушли, но даже, напротив, подружились с Владимиром и в его компании осматривают Никольский скит, он встал словно вкопанный. Лицо мужчины исказилось – он кинул на них такой злобный взгляд, что им стало здорово не по себе.

– Пожалуй, мы пойдем, – нерешительно произнесла Катя, приписавшая выражения лица Бороды тому, что он прирев-

новал ее к более симпатичному и разговорчивому сопернику.

Владимир попытался уговорить девушек остаться. Но Мариша поддержала подругу:

– В самом деле! Пойдем!

– Темнеет уже!

И подруги начали отступать, стараясь не поворачиваться к Бороде спиной. Одним своим злобным видом он нагнал на них такого страха, что им чудилось, будто стоит им отвернуться, как он возьмет камень или кирку и нанесет удар.

– Фу-у! – выдохнула Мариша, когда подруги буквально скатились с холма. – Ну и типчик!

– Страстная натура! И как это Владимир не боится с ним оставаться!

– Может быть, когда они только вдвоем, этот Борода так не злобствует?

Но Катя сильно сомневалась.

– Он очень странный человек, – покачала она головой.

– Но ты с ним кокетничала.

– По привычке. Но если честно, то мне он совсем не нравится. Нехороший человек.

Это было в устах Кати сильным заявлением. Обычно Катя к лицам мужского пола и подходящего возраста относилась куда снисходительнее. И словосочетание «нехороший человек», сказанное по отношению к мужчине, и мужчине не слишком уродливому, было почти бранью.

Мариша, зная Катькину манеру всегда и всем говорить правду в лицо, слегка встревожилась.

– Только ты этому Бороде ничего не говори.

– Очень надо! Я с ним и словечка больше не скажу! Хам!

Подруги торопливо вернулись в гостиницу. На улице уже и в самом деле темнело. Выпала роса. И ощутимо похолодало. Но сидеть в комнате, которая освещалась одной-единственной тусклой лампочкой без всякого намека на абажур, оказалось тоже скучно. Маруська сладко дрыхла, свернувшись клубочком. А подругам не спалось. И, помучившись около получаса, они оделись потеплее и выбрались снова на улицу.

Разумеется, первым знакомым человеком, на которого они наткнулись, оказался Борода. При виде подруг он буквально остолбенел. Реакция девушек была аналогичной. Некоторое время все трое таращились друг на друга. Потом Борода прошептал себе под нос что-то неразборчивое. И шагнул к подругам.

– Вы тут чего? – резко спросил он у них.

Голос прозвучал угрожающе. И подруги сделали на всякий случай шагжок назад.

– Живем мы тут!

– И долго?

– Что?

– Долго жить собираетесь?

Вообще-то они собирались остаться до ближайшего авто-

буса до Питера. Но когда вас допрашивают таким тоном, хочется ответить назло.

– А сколько нужно, столько и проживем! – с вызовом заявила Катя.

Она уже оправилась от первоначальной растерянности. И ничуть не боялась этого типа. Что он может им сделать? Вокруг полно народу. В случае чего за них заступятся. Борода неожиданно помрачнел еще больше.

– Вы же тут только на день остаться хотели, – напомнил он.

– А вам какое дело?

– Нечего возле дома божьего вертеться!

И Борода ткнул пальцем в направлении Никольского скита.

– Он еще не готов!

Подругам сразу стало все ясно. Он просто псих! Психически неуравновешенный человек. Чокнулся на почве воздержания сексуального и всякого другого. Катьке бы отступить. Ясно же, с кем дело имеют. Но вместо этого она вдруг заявила:

– Вот мы вам и поможем! Завтра же приступаем к работе. Борода опешил окончательно.

– Как это? Где? Зачем? – забормотал он.

Катька наблюдала за его смятением с несвойственным ей злорадством. Сейчас она покажет этому грубияну!

– Мы уже и с Владимиром обо всем договорились, – сказа-

ла она. — Завтра начинаем помогать ему в реставрации скита.

Подруги думали, что Борода сейчас взорвется и примется осыпать их проклятиями или нахамит. Но ничего этого не случилось. Борода побледнел. И, отступив на два шага, внезапно круто повернулся и побежал прочь. Как поняли подруги, назад к Никольскому скиту. Наверное, собирался его денно и ночью охранять от вторжения подруг.

— Ну и ну, — покачала головой Мариша, проследив за ним. — Совершенно чокнутый товарищ.

— И как таких только на свободе держат? — поддержала ее Катька.

Остаток вечера подруги провели весьма приятно. Они трижды прошлись по деревне, а потом встретили Владимира. Он торопился куда-то в обществе еще одного мужчины с длинными светлыми волосами, стянутыми на затылке в густой хвост. Художник сразу же узнал подруг. Остановился и поприветствовал их.

Завязался непринужденный разговор, который плавно перешел в посиделки в номере у подруг. Кстати говоря, они невольно отметили, что, когда в их номере появились двое симпатичных мужчин, комната перестала казаться такой уж угрюмой и мрачной. Напротив, в ней даже появился своеобразный колорит.

— Панцирные кровати — это же раритеты. А лампочка без абажура?! Шикарно! Где такое еще в наше время увидишь? Маруське неожиданные гости совсем не понравились. И

она не стала делать вид, будто бы все в порядке. Ходила и шипела. А при случае норовила цапнуть когтистой лапой то одного, то другого гостя за штаны. Катька на нее покрикивала, но Маруська своего мерзопакостного поведения не меняла.

Оказалось, что Владимир и Евгений, так звали светловолосого мужчину с хвостом на затылке, живут тут же в гостинице. Но за проживание не платят, так как гостиница поделена на две неравные части. В меньшей останавливаются случайные проезжие, которых очень и очень немного и которые платят деньги сельской администрации. А в большей части гостиницы живут трудники, которые приехали на летний сезон, чтобы потрудиться на благо монастыря за еду и проживание.

– А вы не хотели бы задержаться? – глядя на Маришу прозрачными светлыми глазами, спросил у нее Владимир. – Тут просто райские места.

– Благодать! – поддержал его Евгений.

– А для души как полезно!

– И просто приятно!

Мариша пожала плечами.

– У меня дядя в больнице, – пожаловалась она. – Я должна отвезти ему тапочку и платочек.

Но мужчины придерживались мнения, что Маришиному дяде будет куда полезнее сердечная молитва, которую сотворит за него племянница, живя в монастыре.

– А вовсе не тапочку и не платок!

Несмотря на то что весь вечер они вчетвером просидели за одной-единственной бутылкой легкого сухого вина, Мариша опьянела, словно от бутылки водки. Должно быть, долгая дорога и пребывание на свежем воздухе сделали свое дело. Так что она отправилась звонить тетке Симе, чтобы довести до ее сведения мнение монастырских старожилов.

– Какая еще молитва?! – возмущенно закричала тетка Сима. – Мариша! Я тебе просто удивляюсь! Ты уже давно должна быть в городе! С носками и платком!

– Видишь ли, тетя, – забормотала Мариша. – С носками тут неувязка вышла. Носков нет.

– А что есть?

– Тапочка.

– Одна?

– Пока одна.

И Мариша даже глаза прикрыла, чувствуя, что сейчас разразится скандал. И не ошиблась. Дальнейшая речь тетки Сима была до того обидна, что Мариша даже не стала ее слушать. Ей хватило последней теткиной фразы, которую она услышала:

– Да, не повезло мне с племянницей. Зря я тебе доверилась, Мариша. Как чувствовала, самой надо мне было ехать!

После этого тетка Сима повесила трубку. Но не успела Мариша порадоваться, что сравнительно легко отделалась, как тетка Сима позвонила ей снова.

– И когда ты вернешься?

– Завтра.

– Почему не сегодня?

– Автобуса нету.

Тетка Сима фыркнула так громко, что ее фыркание услышала даже сидящая в отдалении Катька. Она испуганно покосилась на подругу и замерла, оттопырив от любопытства ухо.

– Очень надеюсь, что завтра ты все же будешь тут!

– Где тут?

– В больнице! – взвизгнула циркулярной пилой тетка Сима. – И учти, дядя тебя ждет!

– Я приеду, – пролепетала Мариша.

После разговора с тетей она просто отключила трубку. И на всякий случай спрятала ее подальше под кровать. Но настроения, чтобы продолжать общение, у нее уже никакого не было. Тетка Сима обладала потрясающей способностью портить жизнь не только самой себе, но и окружающим. К тому же она была вампиром. Во всяком случае, после короткого разговора с ней Мариша чувствовала себя так, словно весь день таскала мешки с цементом.

Мужчины почувствовали ее изменившееся настроение. И тоже заторопились к себе. После их ухода подруги начали устраиваться на ночлег. Настроение у них почему-то окончательно испортилось. В номере вновь стало неудобно и убого. И теперь девушки хотели просто лечь спать, чтобы этот

день наконец закончился.

Застелив постели не слишком свежим бельем, они встали перед новой проблемой. Где чистить зубы?

– Хотелось бы еще душ принять, – пробормотала Катька. – Как думаешь, тут это возможно?

Так как на их этаже никаких ванно-помывочных помещений не наблюдалось, они захватили с собой зубные щетки, мыло и спустились вниз. Оказалось, что на задворках есть умывальники, из которых даже текла вода. Правда, как уже говорилось, только холодная.

– А вообще-то летом у нас все купаются в озере.

Но подружки довольствовались холодной водой в кране. Ползти обратно на озеро у них уже не было ни сил, ни желания. Осень вступала в свои права. И по ночам становилось ощутимо холодно. Кое-как почистив зубы, они стали умываться. Мариша прижала к лицу грубое махровое полотенце, а когда отняла его, то с трудом удержалась от крика.

Прямо напротив нее стоял Борода. И молча сверлил ее злобным взглядом. Катька тоже его увидела. И тут же бросилась в атаку.

– Что вы за нами таскаетесь? – возмутилась она. – Понравились мы вам?

– Слежу, – буркнул мужчина, не сводя с подруг тяжелого взгляда. – Как бы беды от вас не случилось.

– Какая от нас может быть беда?!

– Именно от таких все беды и случаются.

Подруги не нашлись, что ему ответить. И потому, скорее собрав свои причиндалы, удалились, сопровождаемые угрюмым взглядом Бороды.

– Какой-то женоненавистник, – прошептала Катька, влетая в их номер.

– Точно! Наверное, его жена бросила. Вот он на всех женщин поголовно и окрысился.

– Специально в мужской монастырь уехал! В глухомань!

– Только чтобы нас, женщин, не видеть.

– А тут мы!

И переглянувшись, подруги весело захихикали. Плохое настроение у них словно рукой сняло. Всегда приятно сознавать, что есть люди, которым приходится еще хуже, чем вам. И с этой светлой мыслью подруги забрались в кровать. Не помолившись. И даже лбов не перекрестив перед сном на висящую на стене Тихвинскую икону Богоматери с младенцем. Икона отнеслась к их проступку равнодушно. Только глаза Богоматери взирали на подруг скорбно и жалостливо, словно предлагая девушкам все же сотворить короткую молитву. Но молитвы Богоматерь от двух грешниц так и не дождалась.

Глава 3

Это ли стало причиной последующих событий, или события развивались сами по себе, стихийно и независимо от молитвы подруг, только около трех часов ночи девушки были разбужены громким стуком в дверь. Перепуганные, они скапались с кроватей, чуть не споткнувшись о крутящуюся под ногами Маруську.

– Брысь! – ругнулась на нее Катя.

И, закутавшись в одеяла, подруги распахнули дверь.

Там толпилось несколько мужчин. Спросонья подруги даже не поняли, что двое из них одеты в милицейскую форму. И решили, что уже утро. Их автобус пришел. И их явились будить.

– Сейчас, сейчас! – засуетилась Мариша, мельком удивляясь, какой сервис в этой захолустной гостинице и какие добросердечные люди явились их проводить. – Уже бежим! Скажите, чтобы он не уходил!

Она имела в виду автобус. Но мужчина в милицейской, словно коровой пожеванной форме с погонями капитана на плечах тяжело шагнул через порог. И, очутившись в комнате, тут же опустился на единственный имеющийся в комнате стул. Мало того что стул был один-единственный, так он был еще и колченогий. Такое гостям не предлагают. Стул жалобно скрипнул под его грузным телом. Но все же устоял и не

развалился.

– Никуда он и не уйдет уже, – заявил подругам незваный ночной гость, раскладывая на столе бумаги и извлекая из кармана самую обычную шариковую ручку в прозрачном корпусе и с синим колпачком.

Такие ручки продаются всюду в канцелярских магазинах по цене от пяти до десяти рублей, в зависимости от совестливости продавцов. Но почему-то подругам именно эта грошовая ручка внушила такое благоговейное почтение, что у них даже дух перехватило.

– Никуда он не уйдет, – повторил капитан, окончательно устроившись и утвердившись за столом. – Не сможет уже.

Мариша к этому моменту уже немного очухалась от сна. И понимала, что речь, вероятно, идет не про автобус. Для автобуса было еще слишком рано. Но тогда о чем? Или о ком? И почему этот деревенского вида милиционер явился среди ночи к ним в номер? Да еще и расположился тут с таким видом, словно до утра никуда не уйдет? Все это было очень странно. Мягко говоря, настораживало. И Мариша попыталась немного прояснить ситуацию.

– У вас в деревне такие порядки? – поинтересовалась она. – Вламываться среди ночи к молодым одиноким девушкам?

– Только не изображайте, будто бы вы ничего не понимаете.

– Не понимаем. Почему вы тут?

Мент тяжело заворочался на стуле, отчего бедолага жалобно заскрипел и задрожал всеми своими четырьмя разошедшимися ножками.

– Значит, добровольно признаваться не желаете? – поинтересовался капитан у подруг.

– В чем?

– Вино сегодня пили?

– А это что, противозаконно? У нас в стране объявлен сухой закон? Простите, не знали.

– Не шутите такими вещами! Отвечайте, пили сегодня вино в компании Владимира Сухоручко и Евгения Завлекалова?

– Владимира и Евгения? Художника и его друга? Ну да, пили. А в чем дело?

Сначала подруги испугались, что кто-то из монастырской братии увидел это застолье и донес настоятелю. Но при чем тут милиция? Вряд ли монастырские старейшины обратились бы к мирским властям по столь ничтожному поводу. Да и не потащился бы капитан среди ночи, чтобы корить их за распитие слабоалкогольных напитков. Даже если это и произошло всего в ста метрах от монастырских стен.

Нет, дело было не в застолье. А явно гораздо серьезнее. Об этом говорил вид капитана. И хмурое лицо его помощника с сержантскими погонами. Но этот молодой парень поглядывал на подруг с каким-то странным выражением. Мариша затруднялась точно его определить, но, пожалуй, это был

ужас пополам с восхищением. Думается, именно так смотрели на леди Винтер четверо мушкетеров, когда палач отсекал голову бедной женщине.

– Вы нам скажете, что случилось? – повторила свой вопрос Мариша, которую все это встревожило до крайности.

– Скажем.

И, откинувшись на спинку стула, капитан произнес:

– Сегодня ровно час назад в своем номере скончался Владимир Сухоручко. По этому факту администрацией гостиницы была вызвана следственная группа. Местный врач зафиксировал факт смерти от отравления неизвестным веществом. А по словам Евгения Завлекалова – товарища погибшего гражданина, они с Владимиром этим вечером ужинали в монастырской столовой. А потом только пили вино.

И посмотрев на онемевших подруг, капитан добавил:

– С вами!

Некоторое время подруги молчали. А потом Катька, с трудом разлепив губы, прошептала:

– Отравлен?

– Владимир?

– Он что, умер?

– Владимир умер?

Капитан пристально посмотрел на подруг. И кивнул.

– Умер. Так что? Признаете факт того, что вы его отравили?

Подруги решительно замотали головами.

– Нет! Не признаем! Это было самое обычное вино! Мы тоже его пили!

– Тогда почему вы тоже не отравились? Наверное, подсыпали яд прямо в стакан Сухоручко?

– А Евгений? Он же тоже не отравился! Мог и он подсыпать!

Похоже, это было слабым местом в обвинительной версии капитана против подруг. Потому что он тяжело засопел носом. И ничего не ответил. Вместо этого он произнес:

– Ясно, что яд мог попасть в организм Владимира только с вином.

– Почему?

– Потому что до этого он вкушал трапезу в монастыре, – неожиданно вмешался в разговор незнакомый подругам мужчина.

Должно быть, его вызвали в качестве понятого или свидетеля. Или он просто явился сам в качестве любопытного зеваки.

– И если бы Владимир отравился в монастырской трапезной, то отравились бы и другие люди.

– Интересно рассуждаете! – разозлилась Катька. – Выходит, в монастыре в тарелку или чашку Владимиру никто ничего подсыпать не мог. А вот мы могли?

– В монастыре у нас все живут в мире и согласии!

– А мы?

– А вы приехали из большого мира. И могли привезти с

собой суету и грех.

– Идите вы знаете куда?! – окончательно взбеленилась Катька. – Идите вы на... идите вы в... В общем, идите отсюда!

И так как мужчина никуда не уходил, а даже, напротив, принялся укоризненно качать головой, то она вышла из берегов.

– Вы кто такой? – закричала на него Катька. – Вы что, высший судия? Вы кем себя вообразили? Может быть, самим Господом Богом?

Бородатый монастырский «поучалкин» открыл рот, вознамерившись что-то ответить Катьке. Но не успел.

– Цыц!!!

Капитан грохнул по столу рукой. И все послушно замолчали, испуганно глядя на вышедшего из себя представителя власти.

– Вот что, – произнес капитан. – Умер человек! И мой долг – разобраться, почему и от чего он скончался.

– Может быть, это был сердечный приступ? – робко предположила Мариша, которую тоже впечатлило выступление деревенского сыщика.

Капитан только вздохнул. Он остывал так же быстро, как и вспыхивал.

– Сразу ясно, что вы не видели пострадавшего, – сказал он. – Он весь в каких-то черных пятнах. И губы словно огнем обожжены.

– На сердечный приступ это никак не похоже, – поддержал его сержант. – У меня бабка от инфаркта скончалась. Так что я знаю, как сердечники после смерти выглядят!

– Вот, – кивнул капитан. – И врач говорит, что парня отравили. Так что, уважаемые гражданки женщины, попрошу вас предъявить ту бутылку, из которой вы поили пострадавшего.

Подруги растерянно переглянулись.

– Нет у нас такой привычки, чтобы пустые бутылки хранить! – произнесла Катька. – Мы допили то вино. Да и выкинули бутылку.

– Куда?

– В мусор!

– Но где именно?

– На заднем дворе мусорный бак стоит. Туда и кинули.

Капитан повернулся к сержанту.

– Николай, пойдй глянь.

– В мусоре копать?

Среди собравшихся пронесся тихий смешок.

– Мусор не хочет в мусоре ковыряться! – произнес кто-то из задних рядов.

Сержант Коля побагровел. Да и капитану явно пришлась не по душе эта реплика.

– А ну! – рявкнул он, вглядываясь в лица людей. – Кто там такой веселый?

Все поспешно замолчали и придали лицам самые серьезные, непроницаемые выражения. Некоторые из только что

хихикающих даже начали неодобрительно цокать и качать головами. Лицемерие этих типов буквально не знало границ!

Сержант Коля во время этой разборки тоскливо переминался с ноги на ногу. Идти ему явно не хотелось.

– Так мне идти?

– Иди!

– Красный такой пакет с одной оборванной ручкой! – крикнула ему вслед Катька. – А в нем, помимо винной бутылки, еще упаковка из-под сыра «Виола», пластиковая бутылка фанты и хлебные корочки.

– А сам пакет с золотыми розочками.

Снабженный такой подробной информацией, Николай быстро сбегал на помойку. И принес оттуда хорошо знакомый подругам красный пакет, который они купили у бабульки возле метро и который вопреки всем ее заверениям не выдержал долгого пути и порвался.

– Ваш пакет?

– Наш.

– Точно уверены?

– Конечно! Видите, розочки какие красивые на боку? Наш пакет.

– Из-за цветочков мы его и купили, – добавила Катька.

Капитан тяжело вздохнул и полез в пакет. Ковырялся он там недолго. И извлек винную бутылку. Резиновых или каких-либо других перчаток, как не преминули отметить про себя подруги, он при этом не надел. Что поделаешь, видимо,

в эту глубинку еще не дошли последние веяния криминалистики.

Тем временем капитан осторожно приблизил свой большой, покрытый расширенными порами нос к горлышку бутылки и понюхал его. Потом еще и еще раз. Замерев, все ожидали его решения.

– Пахнет вином, – заявил капитан, отставляя бутылку в сторону.

– Еще бы! – фыркнула Мариша. – Там и было вино!

– Ничего, кроме вина!

Но капитан не собирался пускать дело на самотек.

– С этим разберется экспертиза, – уклончиво ответил он. – А мое дело – собрать улики. Девушки, скажите честно, у вас уже когда-нибудь снимали отпечатки пальцев?

– Никогда! Мы порядочные девушки! – тут же возмутилась Катька.

Мариша скромно промолчала. И лишь спросила:

– Зачем вам наши отпечатки? Мы вам и так скажем, что на бутылке будут наши пальчики.

– Будут? – оживился капитан.

– Мы же ее покупали, несли из магазина, а потом разливали из нее вино.

– По стаканчикам.

Капитан снова оживился.

– По стаканчикам! И где они? Где они, эти стаканчики?

Увы, пустые пластиковые стаканчики подружки сполоснули

и оставили у себя в комнате в качестве емкостей для питья. Капитан прямо даже расстроился.

– Как же вы так неосторожно?! – воскликнул он с укором. – Они же теперь совершенно непригодны для экспертов! Ну да ладно! Все равно тащите их сюда!

Вскоре на столе образовался натюрморт из пустой винной бутылки зеленого цвета с узким длинным горлышком, четырех белых пластиковых стаканчиков и одного красного рваного пакета с нарисованными на нем розочками, который никто не догадался убрать со стола.

– Очень хорошо, – пробормотал капитан, явно не зная, что делать дальше.

Пришлось подругам ему подсказать, чтобы он записал их имена, фамилии и прочие паспортные данные. А также составил бы с их слов первичный протокол, который бы и дал им на подпись. С горем пополам все было сделано. И капитан, вспомнив о своем официальном положении, запретил подругам до поры до времени покидать пределы Алёхина.

– До какой поры?

– До какого времени?

– Три дня.

– Но мы не можем! У нас дела!

– Совершенно убийство! – веско произнес капитан. – И вы находитесь под подозрением. Скажите еще спасибо, что я оставляю вас на свободе. Или вы предпочитаете провести это время за решеткой?

Нет, ничего такого подруги не предпочитали. Они же не дуручки. Ясное дело, куда лучше сидеть в сельской гостинице, чем в районной тюрьме. И их комнатка вдруг стала казаться девушкам невозможно уютной. Как это они раньше не замечали, в какой тут славный темно-зеленый цвет выкрашены стены. А потолок в желтых разводах от протечек с крыши? Это же чудо какое-то, а не потолок. Смотришь и не можешь наглядеться. Да и меблировка вполне достаточная. Скромно, но со вкусом.

В общем, под угрозой тюремного заключения подруги во многом пересмотрели свои прежние позиции. И поняли, что человеку для счастья нужно куда меньше, чем им представлялось всего несколькими часами раньше.

– Ну так решили! – произнес капитан. – Вы остаетесь тут. А я ищу убийцу.

И с этими словами он поднялся и вышел из комнаты, забыв винную бутылку и стаканчики и оставив подруг в состоянии, близком к шоковому. Улики забрал сержант Коля, вернувшись за ними через четверть часа. При этом он не скрывал от подруг, что пока, кроме них и Евгения, других подозреваемых на роль убийцы художника Владимира у капитана нету.

– Вот мы влипли! – в сердцах воскликнула Катька, когда за Колей-Николаем закрылась дверь. – Влипли так уж влипли! Посадят нас с тобой!

Маруся тоже почувствовала неладное. Она запрыгнула

к хозяйке на колени и пылливо пыталась заглянуть ей в глаза. Но сегодня преданное внимание кошки Катьку не утешало. Нависшая над ней и Маришей беда была слишком велика, чтобы Маруська могла ее купировать своими скромными силами.

– Думаешь, капитан не найдет настоящего преступника?

– Этот деревенский чудак? Я тебя умоляю!

– И что нам делать?

У Катьки было несколько версий. Первая – это бежать. Но ее подруги отвергли сразу же. Вторая заключалась в том, чтобы просить приюта и убежища у настоятеля монастыря. Но это в том случае, если убитый, в убийстве которого подозревали теперь подруг, не был бы лично знаком с настоятелем. А так у настоятеля могло возникнуть вполне понятное желание наказать двух нахалок, лишивших его ценного работника. Так что этот путь спасения подругам после некоторого колебания также пришлось отвергнуть.

– И последнее, что мы можем сделать, чтобы спастись, это самим найти преступника!

Вот это понравилось Марише куда больше! Она вскинула голову и посмотрела на подругу.

– И с чего мы начнем?

Катька, которая, похоже, не ожидала такого быстрого согласия, слегка растерялась.

– Ну-у-у, – протянула она, – мы можем поговорить с другими трудниками. Владимир прожил в монастыре все лето.

Они должны его хорошо знать.

– Точно! Вдруг у него тут были враги!

– Конкуренты!

– Другой художник, который тоже желал реставрировать Никольский скит.

Какая-то мысль прокрутилась в голове Мариши. Но быстро ускользнула. А вот версия с конкурентом была отвергнута прежде всего потому, что Владимир сам рассказал подругам, что в монастыре он единственный профессиональный художник. И потому роспись Никольского скита поручили именно ему. Никакой конкуренции.

Поэтому подруги сразу же принялись разрабатывать другую версию.

– А что, если он приехал в монастырь, потому что ему необходимо было где-то спрятаться?!

– Ага! Натворил чего-нибудь в большом мире. А тут решил пересидеть.

– Но враги все равно его нашли.

– И устранили!

Эта версия была всем хороша. За исключением одного-единственного момента. Кто бы ни явился из большого мира в монастырскую обитель, чтобы устранить художника, его должны были здесь видеть. А никого из посторонних, кроме двух подруг, возле Владимира тем роковым вечером не было.

– Так что эта версия опять же говорит не в нашу пользу.

– Но преступник мог спрятаться!

– Где?

– В лесу! В деревне! В конце концов, он мог замаскироваться. Или выждать, а потом уж нанести свой удар.

– С нами в автобусе приехала целая куча народу, – не согласилась Мариша. – И все они остались где-то в Алёхине.

– Думаешь, преступник среди них?

– Очень может быть.

Но Катька размышляла уже о другом.

– Нужно поговорить с Евгением, – сказала она. – Пусть постарается припомнить, с кем еще контактировал сегодня вечером Владимир.

Дождаться утра, чтобы побеседовать с Евгением, подружки не стали. И поплелись к нему. Жил он в том же здании и наверняка не спал. Какой сон, если его также обвиняли в убийстве Сухоручко? Так чего время терять?

Евгений и Владимир жили в одной комнате. И подружки сильно сомневались, что сейчас она будет открыта. Так и оказалось, комната была опечатана. И им пришлось разыскивать Евгения, бродя по этажу. Но в конце концов им указали на дверь, за которой спрятался этот бедолага.

При виде подруг, возникших на пороге номера, Евгений тут же воскликнул:

– Честное слово, девчонки, я не хотел впутывать вас в это дело!

– И все-таки впутал! – сердито сказала Мариша, пока

Катька со странным выражением рассматривала Евгения.

Мариша уже знала, что к чему. Сначала Катька именно с таким лицом гладела на Бороду, потом переключилась на Владимира, а теперь, когда тот умер и сошел со стартовой дорожки до ворот ЗАГСа, перенесла свое внимание на Евгения. Да уж, непостоянная девушка эта Катя. А Евгению точно не позавидуешь.

– Не впутывал я вас! Менты уже и без меня знали, что мы с вами провели вечер вместе.

– И кто же мог им сказать?

– Не я! Честное слово, это был не я!

Подруги переглянулись. Собственно говоря, какая разница, кто донес на них милиции? Они пришли к Евгению совсем не за этим.

– А что же вы тогда хотите?

– Прежде всего, войти. Не можем же мы разговаривать, стоя на пороге.

Евгений посторонился. Подруги вошли. И стали задавать накопившиеся у них вопросы.

– Кто мог желать зла Владимиру?

– Не знаю. Никто.

– А кто был его самым близким другом?

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Ну, наверное, я.

Мариша кивнула.

– Отлично! Мы продвигаемся к цели. А теперь ответь, как близкий друг, были у Владимира какие-то проблемы?

– Не обязательно в монастыре! – поддержала ее Катька. – И за его стенами тоже.

– Я не знаю, – окончательно растерялся Евгений. – Мы с Вовкой познакомились уже здесь. И ни про какие проблемы он мне не рассказывал.

– Он был женат?

– Вроде бы нет.

– А с кем живет?

– Кажется, он говорил, что с родителями, – неуверенно предположил Евгений, но тут же засомневался: – Или только с матерью. Или один? Нет, не знаю.

– А чем занимался?

– Он художник.

– Да, это мы знаем. Но где он работал?

– Работал?

Евгений вытаращился на подруг, словно они сказали нечто поразительное.

– Работал! – отдельно и внятно повторила Мариша на тот случай, если бедняга не понял этого слова или просто забыл, что оно означает.

– Ну да, наверное, где-то он в самом деле работал, – пробормотал Евгений в конце концов в ответ. – Не знаю я.

– Как это?

– Лично я безработный, – откровенно признался Евге-

ний. – Вольная птица. Наверное, и Владимир тоже нигде официально не числился. Иначе как бы он смог прожить в монастыре с мая по сентябрь?

Подруг это тоже интересовало. А еще их интересовало, на какие же тогда шиши мог существовать Владимир. Монастырь вряд ли платил ему большие деньги, если вообще платил хоть что-то. А ведь, приехав обратно в город, Владимиру предстояло еще пережить зиму. И кто бы его содержал? Или он собирался остаться в монастыре до следующего года?

– Ничего такого он мне о своих планах не говорил, – почему-то побледнел и встревожился Евгений. – Но и уезжать пока не собирался.

Евгений даже вспотел. У него на лбу выступили крупные капли пота. И это тоже было странно и непонятно.

– Во всяком случае, до холодов Вовка отсюда точно никуда не собирался.

Это было тоже довольно странно. И наталкивало на мысль, что версия подруг о том, что Владимир попросту прятался в монастыре, была не так далека от истины. Но если Мариша была целиком сосредоточена на расследовании, то у Катки был свой интерес. Она поумерила свою пылкость и теперь задумчиво смотрела на Евгения. Наконец тот заметил ее пристальный взгляд и спросил:

– Что?

– Как же так получилось?

– Что?

– Что ты безработный?

– Вот так и получилось. У меня творческий кризис.

– То есть раньше ты работал?

Катькины настойчивые расспросы имели под собой самое простое основание. Она интересовалась, насколько перспективен Евгений. Можно ли его рассматривать в качестве потенциального жениха. Потому что, как ни озабочена была Катка проблемой замужества, выходить замуж за бездельника она не собиралась. Даже по большой любви. В этом смысле у нее были свои принципы.

Но Евгений был всего лишь мужчиной. То есть существом в определенном плане наивным и к тому же не подозревающим, что за ним денно и ночью ведется охота, а сам он находится под постоянным прицелом алчущих женских глаз. Поэтому в Катькином вопросе он никакого подвоха не заметил. И просто ответил:

– Ну, разумеется, я работал! Это я сейчас безработный. А раньше работал! Еще как работал!

– И кем?

– Я – модельер. Занимаюсь шитьем женской верхней одежды. Лучше всего у меня получаются пальто, плащи и накидки. Так что ими я и занимался до недавнего времени. Как говорится, от добра добра не ищут!

– А потом что случилось?

– Говорю же! Творческий кризис!

– Попросту говоря, надоело?

– Да! Каждый день одно и то же. Три года я работал без передышки! Копил на квартиру. Скопил, купил, мы с женой переехали в новый дом, а через неделю она мне заявила, что не любит меня, давно имеет любовника и теперь уходит от меня, естественно, с разделом имущества.

– Какая подлая женщина! – совершенно искренне возмутилась Катька, при этом в глубине души сожалея, что ей такую аферу прокрутить в жизни пока не удалось.

Женское коварство поистине не знает пределов! Но что у Кати в душе творилось, Евгений ведь не знал. А вот Катино возмущение пролилось ему целительным бальзамом на свежие раны. Он кинул на Катьку благодарный взгляд, кивнул и продолжал:

– Все эти годы моя жена только вела домашнее хозяйство. То есть только так говорилось. А на самом деле она целыми днями валялась на диване перед телевизором, пила пиво, лопала чипсы и при том пичкала меня полуфабрикатами.

– Какая лентяйка!

– А потом взяла и при разводе потребовала половину того имущества, которое было приобретено исключительно на мои деньги.

Чувствовалось, что тема Евгения затронула до глубины души. И он заговорил с большим чувством:

– И ладно бы она захотела взять с собой свои побрякушки или одежду. Я бы это понял. Я и машину бы ей оставил, потому что это был подарок лично от меня. Но квартира!

– И что? Вы ее поделили?

– Делим, – угрюмо отозвался Евгений.

– И ты ей ее отдашь?

– А какие у меня варианты? Квартира приобретена в браке. И не важно, что последние годы моя жена жила со мной исключительно потому, что дожидалась, когда квартира будет куплена, чтобы наложить на нее свои жадные пальчики. Адвокаты мне прямо заявили, что я лопух и недотепа.

И Евгений поник. А Катьке стало совершенно ясно, что мужчина удрал в монастырь вовсе не из-за творческого кризиса, а потому что его больно ранил поступок любимой женщины. И он хотел пожить в тишине и покое, чтобы разобраться в своих чувствах и понять, как ему жить дальше. Как и с кем ему жить. Что же, на такие шансы Катька готова была ловить. И потому привычно заулыбалась и даже подмигнула Евгению.

– Все будет хорошо! – оптимистично сказала она ему. – Вот увидишь!

– Не уверен. С женой мы разводимся. И кому я теперь буду нужен?

Да это же был просто подарок, а не мужчина! Он еще сомневается, что будет кому-то нужен? Лично сама Катька не сомневалась, что даже в мужском монастыре на него найдется по крайней мере одна претендентка. Например, она сама. А чем плох муж портной? По крайней мере, всегда будешь одета и сыта.

Пока Катька разрабатывала очередного золотиносного жениха, Мариша размышляла. Мысли ее неслись стремительно и сумбурно. Ни на мгновение не останавливаясь. Но все же кое-что из этих мыслей отложилось у Мариши в голове надолго.

– Не может быть, чтобы вас приняли в монастырь, даже не спросив документы, – сказала она.

– Почему же? – пожал плечами Евгений. – У отца настоятеля они лежат. И мои, и Владимира.

Это во многом меняло дело. Имея паспортные данные Владимира, милиция должна была разыскать его родных и сообщить им о случившемся. И, следовательно, эти родные вскоре пожалуют в Алёхино за телом дорогого родича. И тогда с ними можно будет поговорить о том, что за личность был Владимир в миру.

На самом деле Мариша и сама не знала, что ей делать с этой мыслью. Ведь они с Катькой сегодня уже должны уехать. Или нет?

– Боже! – прошептала Мариша, покрывшись холодным потом. – Милиция! Мы обещали капитану! Мы же теперь не можем уехать!

– И что?

– Тетя меня точно убьет!

Но Катька считала, что тапочку и платок можно передать с кем-то из отъезжающих в город паломников. Там они созовятся с Маришиной тетей. И передадут той дары от лю-

бящей племянницы для болящего дядюшки.

– Это как раз не проблема, – заявила она, не делая попыток покинуть Евгения.

Марише стоило больших трудов оторвать Катку от облюбованной ею жертвы. Сам Евгений, кажется, еще не понимал, что за него плотно взялась охотница на женихов. И Мариша молилась в душе, чтобы он оставался в неведении как можно дольше. А то знает она этих мужиков! Не любят их, жалуются, плохо им! Но если увидят, что в них вцепились и хотят за них замуж, вообще сбегут!

Эту нехитрую истину, которая была необходима для успешной охоты на жениха, Мариша и пыталась втолковать Катке.

– Осторожность и аккуратность! – разъясняла она подружке. – Двигайся так, словно идешь по минному полю. Шаг вправо, шаг влево – и все! Бум! И жених улетел от тебя навсегда.

– Но если я не проявлю инициативы, Евгений вообще не поймет, что я в нем заинтересована.

– Поймет.

– Он такой нерешительный!

Честно говоря, Марише Евгений показался самым настоящим мямлей и тюфяком. Но она не успела развить до конца свою мысль. Потому что в этот момент к стоящим в коридоре девушкам неожиданно мягко скользнула чья-то серая тень.

Глава 4

Не успели девушки испугаться, как тень произнесла негромко, но внушительно:

– Не бойтесь меня! У меня есть к вам несколько вопросов. Могу я их вам задать?

Катка прищурилась и смирila взглядом стоящего перед ними мужчину. Он был невысок, невзрачен и вообще весь какой-то серенький и очень уж незаметный. Одним словом, герой не ее романа. У Катки, как уже говорилось, были свои принципы в выборе жениха. И потому Катка решила с мужчиной особо не церемониться.

– А вы кто такой? – подбоченилась она. – И почему мы должны вас бояться?

Кажется, мужчина смутился.

– Бояться не стоит, – сказал он. – Я не сделаю вам ничего плохого.

Мариша насторожилась. К чему это он? Насколько она могла судить, о собственной безвредности постоянно толкуют как раз крайне вредные личности. Ну да, по личному опыту могла сказать. Был у нее один приятель, который постоянно твердил о том, какой он мягкий, белый и пушистый. Что он считает женщин чуть ли не святыми, которых следует всячески оберегать и охранять от жестокого внешнего мира. Что он не одобряет мужчин, которые отстаивают свое лиди-

рующее положение в семье с помощью грубой силы. И однако же именно этот кавалер лупил всех своих постоянно меняющихся подруг смертным боем.

Поэтому сейчас Мариша решила на всякий случай не расслабляться. И оказалась совершенно права. Нет, бить их sereneкий дяденька не стал. Он сделал хуже. Гораздо хуже. Он шагнул в комнату подруг. И едва за ними закрылась дверь, как он извлек из кармана служебное удостоверение и сунул его подругам под нос.

При этом он быстро огляделся по сторонам. И хотя осмотр комнаты занял у него не больше нескольких секунд, он заметил буквально все. И даже Маруську.

Маруська нового гостя пугать не стала. То ли поняла, что это бесполезно, не испугается и не уйдет. То ли увидела в нем слишком опасного врага, с которым связываться себе дороже.

– Майор Голышев, – прочитала тем временем Катька, внимательно изучив врученные ей корочки. – Вениамин.

– И что вы хотите от нас, Вениамин?

– Я занимаюсь делом Владимира Сухоручко! – внушительно произнес мужчина.

Подруги неприятно изумились. Быстро же вести разлетаются по округе! Владимира убили всего несколько часов назад, а вот уже, пожалуйста, кто-то расследует его смерть. Хотя странно, смерть Сухоручко расследует их бравый капитан. А при чем тут Вениамин? Или его прислали на подмогу

капитану? Что же, отличная идея. По мнению подруг, капитан не выглядел достаточно компетентным, чтобы заниматься подобными серьезными расследованиями.

– Вы не поняли, – покачал головой Вениамин. – Меня не интересует смерть Сухоручко. Вернее, интересует, но только с моей собственной позиции.

Подруги изумились еще больше. О чем толкует этот странный человек?

– Присядем, – велел им Вениамин. – У меня есть к вам серьезный разговор.

И когда подруги послушно присели, он неожиданно спросил у них:

– Скажите, вы ведь не убивали Владимира?

Девушки дружно затрясли головами. Нет, не убивали!

– Так я и думал, – с облегчением кивнул Вениамин. – Но все равно, без вашей помощи мне не обойтись. Вы ведь не все рассказали нашему деревенскому капитану?

– Не все? – удивленно переспросила Катька. – Что же мы ему не рассказали?

– Вы ведь общались с Сухоручко перед его кончиной? Он называл при вас какие-нибудь имена? Нет? А о своей работе не рассказывал? Тоже нет? Хм! Ну, а про то, что ему грозит нешуточная опасность, не жаловался?

Увы, на каждый вопрос подруги отрицательно мотали головами. Ничего им Владимир не говорил. И вообще, несмотря на кажущуюся открытость, что-то заставляло подруг усо-

мниться в откровенности художника. Да и с какой стати ему было с ними откровенничать? Ведь они только сегодня познакомились!

– Это ничего не значит, – покачал головой Вениамин. – Практика показывает, что откровенней всего люди ведут себя именно с незнакомыми или, во всяком случае, малознакомыми им людьми.

– Ну да! Эффект «дорожного попутчика»!

– Так говорил вам Владимир о грозящей ему опасности?

– Нет, – покачала головой Мариша, а Катька добавила:

– А вы откуда знаете, что она ему грозила?

Вениамин кинул на подруг грустный взгляд и тяжело вздохнул.

– Ладно. Раскрою вам тайну. Владимир был совсем не тот человек, за кого себя выдавал.

– Не художник?! – ахнула Катька, в голове которой немедленно ожили все ее страхи.

Знала ведь, что нельзя доверять первому впечатлению! И вот, пожалуйста, художник вовсе не художник. А может быть, и Евгений вовсе не модельер. Как известно, скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты сам. И если они с Владимиром были такими уж друзьями-приятелями, то и Евгений может быть совсем не тем, кем представился подругам. Ай, ай! Беда, наказание! И что за кавалеры пошли такие неустойчивые?!

– Насчет вашего Евгения ничего не скажу, – покачал го-

ловой Вениамин. – Не знаю про него ничего. А вот Владимир был совсем не тем человеком, за которого вы его принимали.

– Не художник?!

– Что вы заладили? Художник он. Вот за его художества его и ищут.

– Кто ищет?

– Люди.

– Плохие? – затаив дыхание, спросила Катька.

– Да уж для Владимира встреча с ними не принесла бы ровным счетом ничего хорошего.

– А что за люди?

– А чем им насолил Владимир?

Вениамин снова вздохнул. Впутывать подруг в эту историю ему явно не хотелось. Но они не отставали.

– Пока не объясните, в чем провинился Владимир, не скажем, о чем мы с ним в тот вечер беседовали.

Видимо, Вениамин возлагал на откровенность подруг большие надежды, потому что, несмотря на явную неохоту, он все же заговорил.

– Владимир Сухоручко был с юности талантливым художником, – приступил Вениамин к своему рассказу издали. – Очень талантливым. Но, подобно многим талантливым людям, он не обладал строгими моральными устоями и пустил свой дар... ну, скажем так, не на благое дело.

Свою карьеру Сухоручко начал в архивах заштатного музея. Ему как молодому художнику ничего лучшего не свети-

ло, как подмазюкивать чужие картины, требующие реставрации. Но Сухоручко еще на студенческой скамье проявил удивительный дар копииста. Его картины были ничем не хуже, но при этом и не лучше самого оригинала. Они в точности повторяли композицию, светотень, выражение лиц и мельчайшие детали полотна.

К своему хобби Сухоручко относился весьма пренебрежительно. Что за работа – перерисовывать чужие полотна? Но все изменилось после того, как к нему в один прекрасный день пожаловал пожилой благообразный господин в сером с серебристым отливом костюме. И, вытирая вспотевшую розовую лысину, заявил:

– Молодой человек, у меня есть к вам одно предложение!

Если бы Сухоручко потом в будущем спросили, как, по его мнению, выглядит дьявол, он бы ни минуты не колебался с ответом. Дьявол мог выглядеть только так – кругленьким, лысым и совершенно безобидным. Именно так выглядел господин Петякин, пожаловавший в гости к художнику. И, несмотря на кажущуюся невинность предложения господина Петякина, молодой художник насторожился.

– Зачем вам понадобилась моя копия «Плачущей невесты»?

«Плачущей невестой» в музее называли портрет молодой девушки, сидящей перед зеркалом в обществе подружек и примеряющей свадебную фату. Несмотря на веселье окружающих ее девушек, лицо самой невесты было грустным, а

в глазах стояли настоящие слезы.

При взгляде на нее невольно думалось, что ее замужняя жизнь вряд ли будет счастливой. Замуж она выходит явно без любви. И не по собственному желанию, а по принуждению злобной мачехи, чья злорадная физиономия высовывалась из-за двери. И даже старичок отец, маячивший на заднем плане, не мог изменить судьбы дочери. Он был явно полностью под каблуком у жены. И добровольно приносил свою дочь в жертву, отдавая замуж против воли.

Лично сам Сухоручко эту картину недолюбливал. Тем не менее полотно принадлежало кисти великого мастера конца девятнадцатого века. И потому считалось жемчужиной коллекции заштатного музея.

– А я вам скажу! – резво ответил господин Петякин. – Я хочу иметь эту картину для своего собственного удовольствия. Верней, не совсем для моего, а скорей для удовольствия моей жены. Но вы же понимаете, если довольна жена, то и мужу кое-что от ее хорошего настроения перепадет.

И, забавно захихикав, он тут же сменил тон и деловито спросил:

– Так что? Вы мне поможете осуществить маленький каприз моей жены?

И Сухоручко согласился. Предложенный гонорар он счел более чем щедрым. А работать с картиной у него была отличная возможность. Пиши хоть целыми часами.

Он выполнил работу в условленный срок. Обменял деньги

на картину и остался доволен. Господин Петякин не обманул его и заплатил сполна. Только он зачем-то заставил молодого художника написать расписку в получении у него денег. Это Сухоручко не понравилось. Но как тут поспоришь? В конце концов, деньги ведь он получил? И господин Петякин мог потребовать у него эту расписку.

– Во избежание недоразумений в будущем, – загадочно улыбаясь, заявил он, пряча расписку в карман.

А в душе молодого художника возникло какое-то неприятное чувство, словно он угодил в ловушку, но еще сам об этом не подозревает.

Некоторое время все было тихо. А потом произошло то событие, которое в корне перевернуло всю жизнь Сухоручко. Придя утром на работу в музей, он был неприятно поражен обилием народу и милицейской машиной, которая стояла перед парадным входом.

– Ограбить нас ночью пытались! – с этим известием бросилась к Сухоручко старушка служительница.

Собственно говоря, штат музея был невелик. Всего несколько человек. Сигнализация была самая примитивная. И отключалась при прекращении подачи тока от электростанции. Собственного генератора электрического тока музей не имел. И всякий раз при прекращении подачи тока музей оставался практически открытым.

– Ночью ветер был. Дерево повалило на кабель. И сигнализация отключилась.

Конечно, при музее был сторож. Но Сухоручко знал, что это был за сторож. Всю ночь он либо мирно дремал, либо откровенно дрях.

– И что украли? – томимый нехорошим предчувствием, спросил он.

От ответа старушки смотрительницы у него немного отлегло от сердца.

– Ничего! – радостно возвестила она. – Бог уберег!

И все же Сухоручко решил лично убедиться. Он прошелся по залам музея. И входя в комнату, где висела «Плачущая невеста», внезапно остановился. Ноги словно приросли к потертому временем паркету. А губы художника беззвучно шевелились:

– Как? Что? Почему?

На стене в простой раме висела «Плачущая невеста». Но это была не настоящая «Плачущая невеста» руки великого мастера, а его собственная копия! Не веря своим глазам, Сухоручко подскочил к картине и осмотрел ее со всех сторон. Сомнений не оставалось. Это была его работа. Может быть, кто другой и не отличил был копию от подлинника, но Сухоручко помнил свою работу. И мог точно сказать, что это она.

– Не может быть! – простонал художник, не в силах поверить, что это случилось именно с ним.

Но все же приходилось признать неприятную истину. Настоящая картина куда-то бесследным образом исчезла. А на ее месте оказалась копия. Его собственная копия. Схватив-

шись за голову, Сухоручко помчался звонить своему заказчику. Но напрасно он опасался, что телефон господина Петякина будет выключен. Трубку снял лично хозяин.

И в ответ на возмущенные вопли, которые издавал Сухоручко, холодно поинтересовался:

– Разве я обещал вам, что копия будет висеть у меня дома? Ведь нет? Нет! А раз так, то чем вы недовольны?

– Это подмена! Это преступление! Вы сядете в тюрьму! Голос господина похолодел еще больше.

– Нет, позвольте вам объяснить, – произнес он. – Это вы сядете в тюрьму! Потому что это вы нарисовали эту копию. А потом поместили ее на стену в музей, симитировав отключение электричества и сигнализации.

– Но я... Но мне...

– У вас была такая возможность. А вот у меня – нет.

– Я не виноват! – испугался Сухоручко. – Это вы меня заставили.

– Кто же вам поверит, голубчик? – мягко произнес господин Петякин. – Я – честный предприниматель. Мои интересы весьма далеки от мира искусства. Нет уж, тюрьма грозит вам, а никак не мне.

– Зачем вы? – простонал художник. – За что вы так со мной? Я не хочу в тюрьму! Что я вам сделал?

Поняв, что Сухоручко совершенно сломлен, господин Петякин еще больше добавил меда и масла в голос. И теперь говорил с художником ласково, почти по-отечески.

– Милый вы мой! Кто же вас посадит? И не нужно считать меня своим врагом. Напротив, вы мне симпатичны. И я искренне хочу вам помочь. Вам ведь в музее крайне мало платят?

Сухоручко смог лишь кивнуть. По телефону его кивок не был виден. Но каким-то образом господин Петякин понял все верно.

– Вот и отлично! Я знал, что вы умный молодой человек. И не станете делать из мухи слона.

После этого господин Петякин попрощался, предложив продолжить разговор при личной встрече. Одним словом, не прошло и месяца, как Сухоручко стал работать на господина Петякина. То есть это он так думал, что работает он на Петякина, но очень скоро выяснил, что за Петякиным стояли совсем другие люди. Настолько большие и настолько близкие к миру искусства, что Сухоручко долго не мог поверить в то, что узнал.

Получилось это как бы случайно. Но потом бедный Сухоручко долго не мог опомниться от случайно подсмотренного. И еще он понял, что если раньше у него и теплилась надежда сбросить с себя иго господина Петякина, то теперь нечего об этом и думать. Он увидел лицо хозяина, узнал, кто стоит за серией подмен в музеях родной страны, а следовательно, стал слишком много знать. Живым его бы не отпустили.

Отчаявшись выбраться из преступной трясины, куда его засасывало все больше и больше, Сухоручко трудился не по-

кладая рук. Его благосостояние сказочно выросло. Из полунищего художника, частенько не знающего, что он будет есть сегодня на ужин и даже на обед, он превратился в шикарно упакованного преуспевающего мэтра. Ездил на новенькой иномарке. Ел в лучших ресторанах. И мог покупать одежду в самых дорогих магазинах.

Но странное дело, все то, к чему он прежде так стремился, теперь ни капли не радовало его. В ресторанах его мутило. Дорогая иномарка пылилась в гараже. А одежда из бутиков вызывала в нем прилив справедливого негодования. Ну, скажите, может ли шерстяная овечья безрукавка стоять почти триста долларов? Она что, из золотого руна настрижена?

Однако пытаться что-либо изменить Сухоручко не мог. Он элементарно боялся тех людей, на которых работал теперь. А они, кажется, были довольны копиистом. Сухоручко даже стал ощущать нечто вроде гордости за свою работу. Теперь его работы висели в музеях страны наряду с полотнами великих мастеров. И народ любовался на них, ничуть не подозревая, что его дурачат.

— Как говорится, чего глаз неймет, того и зуб не чует, — хихикал господин Петякин.

Одним словом, преступная жизнь текла размеренно и благополучно. Преступники имели высокого покровителя, которому долгое время удавалось прикрывать собственную преступную деятельность, пользуясь своим авторитетом и положением. Ни у кого не возникало подозрений, что

этот седовласый представительный мужчина, соратник целой плеяды маститых общественных деятелей, может оказаться обычным мошенником.

— Если спать, то с королевой, если красть, то миллиард, — снова веселился господин Петякин. — Конечно, нам от пирога достаются жалкие крохи, но и их достаточно для безбедной жизни. Верно, Вовик?

Похоже, господина Петякина не посещали дурные предчувствия. Но сам Сухоручко не раз задумывался о том, что с ним будет, если в один далеко не прекрасный момент вся преступная пирамида рухнет. Получалось, что идти ему будет некуда. И ждет его тюрьма. Годом раньше, годом позже. Он точно знал, что конец найдется у любой, даже самой длинной веревочки. И оказался прав.

Ночной звонок от господина Петякина поставил все на свои места.

— Он арестован! — прошипел он таким голосом, словно умирал. — Тюлькин и Тяпкин тоже.

Тюлькин и Тяпкин были художниками, трудившимися в том же статусе, что и сам Сухоручко. И художник без труда понял, что случилось с его коллегами.

— К тебе еще не пришли?

— Нет.

— А ко мне уже тоже стучат! — прорыдал Петякин. — Пойду сдаваться. И учти, я молчать не буду. Сдам всех!

Это заставило Сухоручко заметаться по квартире. Его

воспаленному воображению представлялось, что Петякин начнет закладывать его прямо сию же минуту, едва открыв дверь. Менты тут же запрыгнут в свои ужасные машины с мигалками и примчатся сюда. Арестуют его на глазах соседей. Бедная Ниночка! Его обожаемая Ниночка. Чистая девушка! Она живет в соседнем подъезде и все, конечно, узнает. Стыд и позор!

И, жалобно пискнув, Сухоручко схватил рюкзак, который у него стоял в углу, приготовленный именно для бегства. И кинулся прочь из квартиры. Очнулся он на автобусном вокзале. Куда ехать, он не представлял совершенно. Его взгляд рассеянно скользнул по людской толпе. И внезапно остановился на старушке с белым котиком. Она выглядела настолько безмятежной, что художник невольно позавидовал. И загадал про себя: он отправится туда, куда едет эта старушка.

Черт возьми, он тоже хочет выглядеть таким умиротворенным! Старушка подошла к окошку и назвала станцию назначения.

«Черт подери! – подумал художник. – Это судьба!»

Таким образом художник и очутился в монастыре.

– А вы его как тут нашли? – спросила Катька у замолчавшего было Вениамина.

– Как нашли, не столь важно. И совсем не интересно. Важно то, что кто-то нашел его раньше нас. Вот что досадно!

– Если бы вы нашли Сухоручко раньше их, то он остался бы жив?

– Разумеется!

– Но вы бы посадили его в тюрьму?

– Это зависело от многих обстоятельств, – уклончиво ответил Вениамин.

– От каких это обстоятельств?

– В первую очередь от откровенности самого Сухоручко. Если бы он поделился с нами кое-какими сведениями о своих работодателях, то мы могли бы сделать ему снисхождение.

– О своих работодателях? Но разве этот господин Петякин вам ничего не рассказал?

– А другие художники, которых вы арестовали?

Вениамин тяжело вздохнул.

– Они не смогли.

– Почему это?

– Видите ли, они знали далеко не всех заказчиков своих картин.

– Но ведь картины пропадали из музеев?

– Верно.

– Значит, директора музеев должны были быть осведомлены о том, в чьи руки они отправились.

– Это еще необходимо было доказать. И далеко не во всех случаях вина директоров музеев оказывалась доказанной.

Подруги переглянулись. Да уж, правосудие в их стране, как всегда, оказалось не на высоте.

– Но для нас было и является главным не наказать виноватых

тых, а вернуть редкие художественные ценности. А для этого мы должны узнать имена заказчиков, в чьих частных коллекциях за закрытыми дверями сейфов и хранились эти полотна.

Но среди заказчиков преступной группы, занимавшейся подменой и похищением художественных полотен, был один – главный, самый крупный, богатый и жадный.

– В его частной коллекции насчитывалось около сотни шедевров, похищенных со стен музеев.

Все остальные коллекционеры, даже вместе взятые, не тянули на такое количество. Денег у них было существенно меньше. И потому потратить на свои прихоти они могли куда меньшие суммы. И хотя украденное в их коллекциях, безусловно, тоже представляло интерес, но они не шли ни в какое сравнение с полотнами, которые оказались у самого главного заказчика.

После ряда допросов работники отчасти всем известного, а отчасти секретного ведомства, куда так просто не попадешь с улицы и в котором уже не первый год служил Вениамин, пришли к неутешительному выводу. В поисках главного заказчика и утраченных музейных ценностей им мог бы помочь один-единственный человек – Владимир Сухоручко. Все свидетели указывали на него.

Но этот человек сбежал. И где его искать, не знал никто. Хотя очень многие дорого бы дали за сведения о его местонахождении.

– По словам господина Петякина, один раз у них в банде возникла нештатная ситуация, потребовавшая личного присутствия художника в доме заказчика. Он туда отправился. И, вернувшись, заявил, что видел лично заказчика и имел с ним разговор.

Однако этим его откровенность и ограничилась. На все вопросы крайне заинтересованного Петякина художник ничего не ответил, заявив, что ему дорога его жизнь. И он слишком хорошо понимает, чем рискует, начини он болтать о личности главного заказчика.

– Тем не менее Сухоручко являлся единственной ниточкой к этому человеку. Он мог бы вывести нас на главного заказчика. И таким образом мы могли бы вернуть ценные полотна на стены российских музеев.

Мариша только фыркнула.

– Ага! Чтобы их потом снова украли!

Вениамин кинул на нее укоризненный взгляд.

– Не все люди – воры.

– Только картины почему-то пропадали! – уперлась Мариша.

Но Катьку волновал другой вопрос.

– А все-таки? Как же вы нашли Владимира?

– Как нашли? Вам интересно?

– Еще бы!

– Ну, это было далеко не просто. Но у нашего ведомства есть свои информаторы.

– Только похоже, что ваше ведомство дало приличную информационную течь, – снова вмешалась вредная Мариша.

– Да, – грустно кивнул Вениамин. – Я думаю, что кто-то еще прониухал о том, где прячется Сухоручко. И устранил художника до того, как мы сумели побеседовать с ним.

И, схватившись за редкие волосинки на своей голове, он с горечью воскликнул:

– Подумать только! Мы разминулись с ним всего-то в какой-то час с небольшим!

Да, прояви Вениамин побольше расторопности, и художник мог бы остаться жив. А заказчик – арестован. И картины вернулись бы на свое законное место. Было от чего схватиться за голову.

– Значит, вы думаете, что художника убили люди вашего заказчика?

– Я не исключаю такой вариант. И поэтому мне так важно знать, с кем общался покойный в последний день своей жизни.

Теперь подруги прекрасно понимали интерес Вениамина и жаждали ему помочь. В конце концов, это и в их интересах, чтобы похищенные художественные полотна вернулись бы в музеи. Была охота платить деньги, чтобы грошовыми подделками любоваться!

Подруги напряглись. И буквально поминутно пересказали Вениамину всю историю своего недолгого знакомства с Сухоручко. Увы, этого было для Вениамина явно мало. Но

все же за одно место в их рассказе Вениамин зацепился.

– Никольский скит, вы говорите? Сухоручко трудился над его реставрацией? Все это время?

Девушки утвердительно кивнули в ответ.

– С тех пор как приехал в монастырь.

– Интересно, интересно, – пробормотал Вениамин. – А где, вы говорите, находится этот скит?

К этому времени уже совершенно рассвело. И подружки вывели Вениамина за околицу. И показали ему крест Никольского скита, слабо золотившийся в лучах раннего солнышка.

– Вот туда идите!

– Спасибо вам, девочки.

И маленькая одинокая фигурка секретного агента заторопилась в направлении Никольского скита. Подруги посмотрели вслед Вениамину. И каждая из них ощутила в груди какое-то неясное чувство щемящей тревоги. Слишком хрупким и незащищенным выглядел мужчина издалека. Но вместо того чтобы поговорить об этом, а может быть, и поспешить следом за Вениамином, чтобы пойти с ним вместе, Мариша от души зевнула и сонным голосом пробормотала:

– Пошли спать, что ли?

– Пошли.

И подружки поднялись к себе в номер. Возле дверей их ждал еще один персонаж. Это была Маруська, которая вроде бы была все время с подругами, когда они общались с Вениамином. А потом внезапно исчезла. И вот теперь кошка

вернулась. Вид у нее был слегка усталый, но довольный. А вот шерсть на лапках и животе была мокрой и испачканной какой-то тиной.

– Ты что, в болоте побывала? – рассердилась на кошку Катька. – Когда успела? Как мне тебя теперь чистить?

Но Маруська вовсе не желала, чтобы ее чистили. Скользя через приоткрытую дверь в комнату, она обошла ее по периметру, неодобрительно принюхиваясь к застоявшимся в углах запахам. По ее виду было件нятно, что она не одобряет визита сельского участкового. И появление Вениамина тоже не одобряет. Как уже говорилось, Маруська была редкой феминисткой. И умей она говорить, дала бы сто очков вперед любому лидеру этого движения.

Выразив подругам свое возмущение, она наскоро умылась. И улеглась поживать на Катькиной подушке. Подруги последовали ее примеру. Причем Катьке пришлось довольствоваться сложенной курткой, которую она сунула себе под голову.

Человек напряженно наблюдал из кустов за приближением чужака. Он был совершенно точно уверен, что никогда прежде не видел этого человека. Стопроцентный чужак. И вдобавок чужак, только что прибывший, любопытный сверх меры – не успел приехать, как сразу же сунулся к ним. Это было подозрительно вдвойне. И потому человек так напрягся, когда чужак вторгся на территорию, которую он привык

считать своей.

– Что ему тут нужно? – шептал он себе под нос.

Чужак обошел скит по кругу. Потом еще раз. И еще. А затем толкнул незапертую дверь и проник внутрь. Человек в кустах издал сдавленный стон. Но тут же крепко прикусил губу, чтобы не выдать своего присутствия. Он ждал. Но каждая мышца его тела буквально вибрировала от напряжения. А рука словно бы сама собой шарила вокруг. И наткнувшись на то, что искала, – круглый увесистый булыжник, сильно его сжала.

– Это не турист и не паломник, – прошептал он. – Слишком целенаправленно перемещается.

Время шло, а из скита никто не появлялся. Наконец чужак высунулся наружу. Вид у него был озадаченный и расстроенный одновременно. Он снова огляделся по сторонам и направился к длинной землянке, в которой у работавших в ските реставраторов хранилась одежда и инструмент.

Когда чужак шагнул внутрь, человек в кустах содрогнулся, словно по нему ударили током. В глазах у него потемнело. Он резко выдохнул и сделал шаг вперед.

– Куда! – вырвалось у него. – Куда пошел?

Но худшее было впереди. Из землянки чужак вышел, держа в руках какой-то сверток. В холстину были завернуты вещи художника Владимира Сухоручко. Спецовка с его именем, рабочий инструмент и еще кое-какие мелочи. Но человек в кустах был слишком далеко, чтобы рассмотреть содер-

жимое свертка. У него были свои собственные причины для тревоги.

И когда чужак начал копать в свертке, человек в кустах не выдержал. Он издал сдавленный стон. И рванул по направлению к чужаку. Тот успел лишь услышать шум за своей спиной. Но не успел отреагировать на возникшую опасность. И в ту же секунду тяжелый камень опустился прямо на его затылок.

Раздался противный чмокающий звук. И чужак повалился на землю. Второй мужчина остался стоять, с растерянностью глядя на поверженного противника. Тот не шевелился и не дышал. Второй мужчина кинулся к свертку и перевернул его. Там не было ничего важного. Тогда он осмотрел карманы чужака. Нашел служебное удостоверение и так долго его изучал, словно в одночасье разучился читать.

Но мало-помалу до второго человека стало доходить, что он натворил. И из его груди вырвался горестный стон.

– О боже! Тут же ничего нет! Зачем?

Он рухнул рядом с трупом и, прикрыв лицо руками, горестно застонал:

– Что я наделал? И что теперь будет?

Постепенно до него стало доходить случившееся. Труп обнаружат. И если даже его лично не обвинят в убийстве, то все равно прости-прощай спокойная жизнь.

– Набегут легавые! Все тут перевероят! И ведь найдут! Как пить дать, найдут!

Наконец мужчина перестал биться в истерике. Его глаза высохли, а взгляд обрел осмысленное выражение. Он взял себя в руки. Выпрямившись, озабоченно огляделся по сторонам. И, убедившись, что никто его не видит, кивнул. Теперь он знал, как ему следует поступить. Даже Всевышний, который все видит, явно был на его стороне. Он уже не раз продемонстрировал своему избраннику свое благоволение, помогая ему во всем. Так будет и в этот раз.

И, кряхтя, мужчина поволок труп в кусты. Туда, где за небольшой рощицей, он знал, начиналась топкая трясина. Далековато, конечно. Но время еще есть. А трясина стоит усилий, затраченных на то, чтобы до нее добраться. Даже в сухое лето она не пересыхала. А в этом году лето выдалось прохладное и дождливое. Так что трясина аппетитно чавкала под ногами. И была готова принять в свои прохладные объятия любую жертву.

Разбудил подруг телефонный звонок. Некоторое время они еще лежали, пытаясь понять, откуда доносится звон. И наконец Мариша сообразила, что звонит ее собственный, тщательно запрятанный под кровать сотовый телефон. Полная недобрых предчувствий, она протянула руку и взяла крохотную пластмассовую коробочку, которая буквально разрывалась от вибрирующих звуков звонка.

– Так и есть! – вырвалось у нее.

Звонила тетка Сима. А глянув на часы, Мариша похоло-

дела. Питерский автобус давно ушел. Они с Катькой, вымотавшись за ночь, завалились спать под утро и банальным образом проспали автобус. Что теперь с ней будет?

– Ну? – раздался в трубке строгий голос Маришиной тетки. – Ты едешь?

– Ой, тетечка! – фальшиво обрадовалась Мариша. – Это ты!

– Ты едешь?

– Как там дядя? – тянула время Мариша.

– Прекрасно! То есть ужасно! Так ты едешь?

– Э-э-э... да!

– Что-то тихо у тебя там, – немедленно заподозрила обман тетка Сима.

В проницательности тетке не откажешь.

– Это у нас остановка, – принялась выкручиваться Мариша, и тут ее внезапно осенило: – Вынужденная. Автобус сломался!

– Сломался? Как сломался?

– Обыкновенно. Водитель говорит, мотор перегревается, – вдохновенно врала Мариша. – Он сам не понимает, в чем там дело.

– Это что же, ты можешь сегодня и не доехать?

– Не знаю.

– А я знаю! – внезапно взорвалась тетка Сима. – Ты самая безответственная из всех девчонок в мире! Тебе нельзя поручить даже такой пустяк! Так я и знала, нужно было самой

ехать!

И она бросила трубку. Нельзя сказать, что Мариша сильно расстроилась. Но, зная характер своей тети и то, что тетка так легко не отступится от нее, девушка тут же снова отключила телефон. И как ни прискорбно это констатировать, ощутила нечто вроде приступа легкого злорадства. Сама она далеко. Телефон выключен. Пусть теперь тетка попробует сорвать на ней свое дурное настроение!

– Катька! – весело окликнула она подругу. – Вставай! Вечер скоро!

На самом деле до вечера было еще далеко. Но Мариша считала, что для пользы дела иногда можно и преувеличить. Из-под тонкого, вытертого местами до дыр шерстяного одеяла появился заспанный глаз. И Катька хриплым спросонья голосом поинтересовалась:

– Зачем вставать?

– Хочу задать Вениамину еще несколько вопросов о нашем художнике. Раз уж нас обвиняют в его смерти, нужно узнать про него все.

Вместо ответа Катька нырнула обратно под одеяло. И пробурчала уже оттуда:

– Вениамин нам и так уже все рассказал.

– А вот и не все!

И, подойдя к Катькиной кровати, Мариша резко сдернула с нее одеяло. Катька заворочалась и захныкала. Спала она оригинально. Накрывала голову подушкой, а сверху натяги-

вала одеяло. И теперь, лишившись одеяла, Катька цеплялась за подушку, как за свою последнюю надежду. На подушке изгибалась потревоженная Маруся и сердито шипела.

– Вставай, соня! – веселилась Мариша.

Наконец ей удалось поднять эту сладкую парочку. Катьку она погнала умываться вниз. А Маруся обошлась подручными средствами – лапками и языком.

– Кушать хочется, – пожаловалась Катька, когда они вернулись в номер.

Это заставило Маришу задуматься о практичной стороне их бренного существования. Катька хотела питаться. И питаться регулярно и помногу. А еще нужно было платить за номер в гостинице. Он хотя и стоил копейки по меркам большого города, но кто знает, как долго может затянуться их пребывание в монастыре. Наличности могло и не хватить.

Мариша думала об этом долго. Пока они собирались, пока шли к кафе, пока ждали там заказанный плотный обед. И пока ели, тоже думала. При этом она наблюдала за Катькой и мысленно подсчитывала, сколько же они съели сейчас и сколько еще съедят на ужин. А на следующий день? Определенно, захваченных из дома денег катастрофически не хватало. Ведь ехали они всего на один день. И рассчитывали потратить на свою поездку соответственно совсем немного денег.

К тому моменту, когда Катька закончила запихивать в себя последнюю ватрушку с черничным вареньем, решение у

Мариши окончательно оформилось и даже созрело.

– Доедай, и пойдем в монастырь, – сказала она Катьке. – Сдаваться.

Катька поперхнулась.

– Чего? – выдавила она из себя, отхлебнув одним глотком сразу половину компота из своего стакана. – Как это сдаваться?

– Работать там будем.

– Как это? Зачем? – попыталась возмутиться Катька.

– Мы не можем тут жить и не работать. Деньги кончаются.

– И что?

– А если нам в монастыре дадут какое-нибудь послушание, огород там поливать или посуду мыть, то мы с тобой сможем жить в гостинице бесплатно. И питаться будем не в кафе, а в монастырской трапезной. Тоже бесплатно, разумеется.

Слово «бесплатно» всегда действовало на Катьку волшебным образом. И мысль о том, что можно поработать в монастыре, мигом перестала казаться ей такой пугающей. В конце концов, монастырь-то мужской. Глядишь, соблазнит кого-нибудь из монахов на замужество. А что такого? Монахи тоже люди.

И будет у них как в известном анекдоте. Приходит новенький в коллектив. Начальник вводит его в курс дела. И говорит новичку: «Сам видишь, коллектив у нас исключительно мужской, суровый. Поэтому свадьбы случаются редко».

– Ладно, – пробурчала Катя. – Если там вкусно кормят и есть симпатичные мужчины, то я согласна.

И, расплатившись из последних грошиков за обед, подружки двинулись в сторону монастыря.

У Маришиного плана была и еще одна составляющая, хотя она и не рассказала о ней Катьке. Но девушка считала, что, постоянно находясь в монастыре среди населяющих его людей, они быстрее сумеют вычислить убийцу Владимира Сухоручко. При условии, разумеется, что злодей все еще находится там.

Глава 5

Отца-настоятеля в данный момент в монастыре не было. Он отбыл по каким-то своим церковным делам в самую далекую матушку-Москву. Тем не менее желание подруг поработать на благо монастыря ни у кого из его обитателей не вызвало недоумения. И до приезда отца-настоятеля их приняли в обитель, так сказать, условно. По благословению отца Илии – помощника настоятеля, временно в отсутствие самого настоятеля занимающего его пост.

Катке поручили помогать на кухне. Что не вызвало у этой любительницы хорошо и плотно покушать ровным счетом никакого протеста. А Маришу отправили помогать в саду. То есть в принципе сначала ее тоже отрядили на кухню. Но большущий, одетый в рясу бородатый монах-повар отрядил ее в сад, чтобы собирать груши к пирогу.

Повар был личностью легендарной. И заслуживал отдельного рассказа. В миру брат Вонифатий работал поваром в известном ресторане. Было это еще в дремучие девяностые годы, когда перестрелки на улицах города были обычным явлением. И редкий день обходился без того, чтоб газеты или телевидение не упомянули о прогремевшем на улице взрыве или иных криминальных разборках. И когда однажды во время бандитского налета из всего персонала ресторана в живых остался один брат Вонифатий, он увидел в этом промы-

сел божий.

– Я молился, – бубнил он своим глубоким басом. – И обещал Господу, что, коли жив останусь, посвящу свою жизнь служению ему.

Свое слово брат Вонифатий сдержал. Правда, не сразу. Непосредственно после бандитского налета, оставшись целым и невредимым, он просто обрадовался. Поставил в церкви свечу. И устроился на работу в другой ресторан. Не такой известный и богатый, но тоже неплохой. Излишне говорить, что не прошло и двух месяцев, как и туда пожаловали архаровцы с автоматами. И снова повар остался в живых. Он и еще две официантки, которых он успел спрятать в холодильнике вместе с телячьими тушами.

Девчонки, просидев в холодильнике почти два часа, простудились и угодили в больницу. А вот Вонифатию снова хоть бы что, как с гуся вода. Ресторан закрылся. И он перешел работать в обычную закусочную. Но когда и туда явились братки с разговором к хозяину, душа повара не выдержала. И он, не дожидаясь окончания разборок, помчался в церковь.

– С тех пор мирскую жизнь совершенно оставил, – бубнил брат Вонифатий. – И вам того желаю. А пока идите, сестры, в сад. За грушами. Тесто уже подходит.

Монастырский сад находился на приличном расстоянии от самого монастыря, он сохранился еще с прежних времен. Его не тронули ни революционеры, ни солдаты воинской ча-

сти. Даже напротив, они всячески ухаживали за деревьями и сделали кое-какие новые посадки. Сад был не просто большой, а огромный.

Само собой разумеется, тут были старые яблони, несмотря на возраст, густо увешанные в эту пору тяжелыми налитыми плодами. Было несколько садовых груш. Это был какой-то особый зимостойкий сорт, подаренный монастырю любителем-селекционером. Сорт, который выживал все эти годы даже при лютых северных морозах. И еще в саду были сливы и кустовые вишни. Последние требовали особого прикрытия на зиму, когда к корням пригребали землю и палую листву. И когда такое прикрытие было им обеспечено, вишни отлично цвели и плодоносили.

Но главным достоинством сада, на взгляд Мариши, являлись его размеры. И, делая вид, что ухаживаешь за плодовыми деревьями в его дальнем конце, можно было весь день шастать по своим делам. Чем Мариша и планировала заняться.

Ее определили собирать груши для пирога и оставшиеся успеть завялить. Это необходимо было сделать, пока днем еще ярко светило и жарило солнышко. Зимой эти плоды клали в компоты и, разварив, добавляли в каши.

Грушевые деревья по счастливому совпадению находились в самом дальнем углу сада. Кроме Мариши, их собирали еще две женщины. Но они вскоре ушли со своим урожаем в кухню и там пропали. Видимо, у монастырского повара не

хватало рук. И он оставил женщин, чтобы месили тесто или резали начинку для постных пирогов.

И, оставшись одна, Мариша резвой рысью порулила к Никольскому скиту, чей крест возносился над окрестностями благодаря тому, что сам скит стоял на холме. Оказавшись на месте, Мариша огляделась. Тут было тихо и совсем безлюдно.

– Не похоже, чтобы Вениамин сюда дошел, – пробурчала Мариша себе под нос. – Хотя что ему тут делать так долго? Времени-то уже прошло предостаточно.

Вокруг пели птички. Звенели кузнечики. И тихо качались верхушки деревьев, напевая древнюю песнь. По идее, эти звуки должны были успокаивать, но вместо этого Мариша ощутила неприятный холодок, словно за ней кто-то наблюдал. И словно этот кто-то был настроен отнюдь не доброжелательно.

Постояв на месте, Мариша не выдержала. Ноги сами понесли ее прочь. И, лишь оказавшись на приличном расстоянии от скита, она смогла перевести дух и заставить свои ноги двигаться не так быстро.

– Ну, все-все! – сердито произнесла она. – Что на вас нашло?

Само собой, ноги промолчали. А Мариша, избавившись от противной холодной дрожи, которая охватила ее возле скита, вошла на территорию монастыря. Если бы ее встретил повар и поинтересовался, почему она болтается без дела,

у нее было бы объяснение. Для того чтобы собрать верхние плоды, нужна лестница. А ее в саду Марише обнаружить не удалось.

Впрочем, никто Маришу не засек. И допрашивать, почему она праздно шатается, не стал. Брату Вонифатию было не до того. Он варил, парил, жарил и пек на монастырской кухне. Братия любила покушать вкусно и плотно. И пусть постная пища, но на монастырских столах она подавалась в изобилии.

Так что Мариша, не испытывая ни малейших угрызений совести, спокойно переговорила с несколькими соседями по гостинице. Ее интересовало, не видел ли кто из них тощенького серенького Вениамина. По идее, он должен был шнырять по монастырю и наводить справки о погибшем художнике. Но если про убитого Владимира с Маришей беседовали охотно и даже выдвинули несколько версий его кончины, то про Вениамина никто и слыхом не слыхивал.

– Что за человек такой? – удивленно произнес худощавый мужчина, живший на том же этаже, что и подруги. – Новенький?

И, узнав, что Вениамин прибыл среди ночи, очень удивился.

– Как это ночью? На машине, что ли?

– Наверное, – пробормотала девушка.

– Конечно, на машине! Автобус ночью не ходит. Не пешком же ваш знакомый пришлепал. Тут от станции километ-

ров восемь будет. Не нагуляешься.

Мысль о машине Вениамина, подкинутаая ее соседом, прочно засела у Мариши в мозгу. В самом деле, зачем мотаться без толку по монастырю, рискуя разминуться с Вениамином? Нужно просто найти его машину и оставить на лобовом стекле записку. Тем более, где искать машину, Мариша тоже знала. Возле гостиницы была небольшая стоянка. Так что логично, если бы Вениамин оставил свою машину именно там.

– Потом схожу и посмотрю получше.

И, отложив пока что поиски Вениамина, Мариша сосредоточилась на версиях убийства художника. А они, надо отдать должное богатому воображению монастырских обитателей, отличались обилием и красочностью.

Самая яркая заключалась в том, что художник стал жертвой злодеев-идолопоклонников, которые недавно обосновались на окраине деревни и с тех пор не уставали вредить монастырю и смущать братьев-монахов.

– Муж и жена там живут, – рассказывала Марише старушка – продавщица в лавочке. – Муж только дома сидит. А жена вечно по округе шастает.

И, посмотрев на Маришу, старушка многозначительно прибавила:

– И не одна шастает.

– А с кем же?

– Не знаю, как и когда, а я лично ее несколько раз с убитым

видела!

– С художником?

– Вот-вот. С ним самым.

Отметив про себя, что в ту избу к таинственной супружеской чете идолопоклонников ей следует обязательно наведаться, Мариша продолжила опрос обитателей монастыря. И вскоре стала обладательницей еще нескольких версий.

Кое-кто считал, что художник просто отравился некачественной водкой. Другие считали, что художник пал жертвой женской ревности. Вот эту версию Мариша попросила обосновать.

– Жена у него имелась в миру, – заявил один из монахов. – Сюда ему на трубку звонила. Скандалы устраивала, где он да когда вернется. Я работал с Владимиром. Сам слышал, как он с ней ругался. Она ему не верила, что он тут один живет в мире и согласии с самим собой и всеми нами.

– А что же она думала?

– Бабы дуры! – фыркнул этот знаток женского сердца. – Известное дело, ревновала его. Требовала, чтобы возвращался.

Больше ничего путного Марише выяснить не удалось. Но все же она считала, что время потрачено не зря. Помимо версии о том, что Владимира прикончили из-за его темных делишек с поддельными картинами, нарисовались еще две вполне реальные ниточки. Ревнивая жена или любовница. А также сектанты-идолопоклонники в крайней к лесу избе.

Вот с ними-то Мариша и решила поговорить. Но прежде следовало выполнить порученное ей на сегодняшний день послушание. Девушка вернулась в сад. И успела нарвать достаточно плодов до того, как из кухни вернулись две другие тетки. Вид у них был недовольный. Но, увидев, что Мариша не бездельничала и нарвала целую кучу груш, они мигом перестали ворчать. И все втроем понесли груши на кухню.

Потом Мариша и Катька их упоенно чистили и резали на красивые дольки. А потом укладывали на специальную бумагу, чтобы завтра прямо с утра, если будет хорошая солнечная погода, перенести груши на заранее выставленный длинный стол у южной стены, где плоды и должны были сушиться с утра и до самого вечера.

В общем, работы оказалось куда больше, чем предполагала Мариша. Но и ужин, который был подан им в монастырской трапезной, превзошел все самые смелые Маришины ожидания. Оказалось, что хотя монахи сами мяса в пищу не употребляли, но остальных живущих в монастыре к тому же не принуждали.

И на столах у трудников было тушенное с грибами мясо в густом сметанном соусе. Была соленая рыба и отварная рассыпчатая картошка. И еще два салата. С огурчиками, молодой капустой и зеленью. А также питательный салат с майонезом, яйцами, грибами и рисом. На десерт было подано печенье, конфеты и свежие сладкие пироги с грушами. И кушать эти пироги было тем приятнее, что Мариша чувство-

вала: есть в этих пирогах толика и ее участия.

После ужина оставалось только вымыть посуду. И подружки были свободны до утра следующего дня.

– Поспать бы сейчас, – потягиваясь, произнесла Катька. – Что-то я с непривычки утомилась.

Но у Мариши были совсем другие планы на этот вечер.

– Какое спать! У нас дел полно!

Явившись в гостиницу, они сначала зашли на автостоянку и убедились, что там стоят только два экскурсионных автобуса и один грузовичок. Впрочем, были еще две легковые машины. И подружки подошли к администраторше, чтобы выяснить, чьи они. А также предупредить Верочку, что с этого момента они денег за проживание платить не станут.

Верочка лишь рассеянно покивала в ответ. Про машины она им сказала, что они принадлежат паломникам из их гостиницы.

– Люди порядочные. И приехали они к нам уже три дня назад. А почему вы их машинами интересуетесь?

Подружки объяснили, что машины их заинтересовали в связи с расследованием убийства Владимира Сухоручко. И вдруг Верочка побледнела и брякнула:

– Ах, совсем забыла сказать! Вас милиция искала!

– Знаем. Ночью мы с капитаном уже побеседовали.

– Нет. Он еще приходил. Днем. Вы как в монастырь ушли, так он и появился.

Подружки ощутили неприятное томление в груди.

– Зачем приходил?

– А я знаю? – пожала плечами девушка. – Сказал, что очень ему с вами поговорить нужно. Будто бы яд найден в бутылке.

Это была шокирующая новость. Практически она делала подруг самыми реальными подозреваемыми в убийстве художника. А всем известно, как в милиции поступают с такими подозреваемыми. Сажают за решетку и начинают давить, пока не выдавливают все, что было, да чего и не было.

– У меня даже весь сон прошел, – пожаловалась Катька подруге, когда они, забившись в свою комнату, обдумывали положение.

– Какой там сон! Спасаться нужно!

– Как? Бежать?

– Куда тут убежишь? Автобус раз в сутки приходит.

– Тогда пешком!

Но Мариша считала, что подаваться в бега рано. И потом, пуститься в бега означало признать свою вину. А подруги никакой вины за собой не знали.

– Мы еще поборемся за свою свободу! Пошли к идолопоклонникам.

Катька испугалась.

– К кому?

– Не знаю, живут тут на окраине какие-то странные люди. Кое-кто в монастыре считает, что это они могли убить Владимира.

– И мы пойдем к ним? – еще больше перепугалась Катя-ка. – Одни? А если это правда, что они убили Владимира? Вдруг они и нас тоже захотят убить?

И словно в качестве живого щита она схватила на руки Маруську. Той это совсем не понравилось. Она начала шипеть и ругаться.

«Предупреждала я вас! – шипела кошка. – Нечего связываться с мужиками! От них одни проблемы!»

В общем, Маруська была в своем репертуаре. И, оцарапав Катку до крови, сиганула к окошку. А оттуда на растущий под окнами клен, чьи листья уже начали окрашиваться в желтый с багрянцем цвета. С клена кошка спрыгнула на землю и была такова.

– Ты это видела? – возмутилась до слез Катя и, высунувшись в окно, завопила вслед кошке: – Предательница!

Несколько обитателей гостиницы задрали головы и с интересом уставились на Катку. Не встретив понимания у окружающих, Катка была вынуждена вернуться обратно к Марише и ее планам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.